

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсѣцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсѣцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсѣцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсѣцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ ред. Сиб. Новарской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,

Новарской пер. д. 5, кв. 17, а

также въ книж. маг., Вольфа,

Нев., Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-

газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Некрологъ (историкъ Сибири И. В. Щегловъ).—Сибирскій крестьянинъ въ борьбѣ съ кабакомъ *А—нова*.—Преслѣдованія старообрядцевъ въ Сибири. *А. П—авина*.—Вниманію сибирскихъ медиковъ.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Троицкосавска, Иркутска, Омска, Капала, Кольвани и Бійска.—Древняя столица сибирскаго царства, *Н. Ядринцева*.—Страница къ биографіи сибирскаго историка.—Къ наблюденіямъ надъ черной бандой. *В. А. Милотина*.—Сибирскія стихотворенія въ прозѣ.—Хроника жизни за недѣлю.

НЕКРОЛОГЪ.

ИСТОРИКЪ СИБИРИ

Иванъ Васильевичъ Щегловъ.

Телеграмма „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ изъ Иркутска отъ 27 мая принесла слѣдующую печальную вѣсть: „Вчера скончался въ Троицкосавскѣ Иванъ Васильевичъ Щегловъ, бывший учитель иркутской гимназіи, авторъ сочиненія по исторіи Сибири, которое надѣясь выйдеть въ свѣтъ“.

Извѣстіе это было для насъ неожиданно и горестно, оно разразилось какъ громомъ. И. В. Щегловъ—молодой человѣкъ, въ порѣ силъ, работавшій надъ хронологіей по исторіи Сибири, одна изъ честнѣйшихъ и трудолюбивыхъ личностей въ малочисленномъ кругу сибирской интеллигенціи, приносящей свои силы на пользу края. Уроженецъ Астрахани, окончившій курсъ въ петербургскомъ филологическомъ институтѣ, онъ пріѣхалъ нѣсколько лѣтъ назадъ сначала въ енисейскую прогимназію учителемъ географіи, а потомъ перешолъ въ иркутскую гимназію учителемъ исторіи. Любимымъ предметомъ его была исторія, которою занимался онъ по призванію, съ страстью и энергіей. Видя, что сибирская исторія давно не разрабатывается, а также, что страна, бѣдная интеллигенціей, нуждается въ работникахъ, онъ задумываетъ большой систематическій трудъ по хронологіи Сибири, который и осуществляетъ. Мы видѣли И. В. Щеглова и познакомились съ нимъ въ Петербургѣ, въ пріѣздъ его года два назадъ, когда онъ привозилъ свои матеріалы. Отпускъ ему не позволилъ долго оставаться въ Петербургѣ, но, какъ онъ рассказывалъ, не смотря на это онъ лихорадочно работалъ надъ задуманнымъ сочиненіемъ на пароходѣ, въ дорогѣ и въ Петербургѣ. Трудъ этотъ не былъ оконченъ и, возвратившись въ Сибирь, онъ доканчивалъ его.

За хронологическимъ указателемъ онъ задумывалъ „исторію Сибири“ и намѣренъ былъ посвятить этому дѣлу 7 лучшихъ своихъ молодыхъ годовъ. Планъ работъ у него былъ уже готовъ. Вотъ кого потеряла Сибирь!

Хронологическіе матеріалы къ исторіи Сибири уже начали печататься и выходить выпусками. Къ сожа-

лѣнію, жизнь этого рѣдкаго образованнаго человѣка, подобно другимъ образованнымъ людямъ въ Восточной Сибири, имѣла превратности. Годъ тому назадъ онъ подъ вліяніемъ какихъ то интригъ и злобы былъ переведенъ изъ города, гдѣ былъ поставленъ въ болѣе благоприятныя условія для труда, въ уѣздный и глухой городъ Троицкосавскъ, хотя попрежнему учителемъ. Исторія этого незаслуженнаго перевода была напечатана въ „Восточномъ Обозрѣніи“. Его проводила мѣстная интеллигенція и ученики съ горестью. Переводъ этотъ, какъ видно изъ его писемъ, тяжело отразился на участи его семьи. Не ожидалъ также Иванъ Васильевичъ, что такъ безжалостно будетъ прерванъ его трудъ.

Онъ писалъ намъ; изъ напечатанныхъ писемъ читатель можетъ убѣдиться, что стоилъ молодому ученому, этотъ переводъ изъ Иркутска. Тѣмъ не менѣе онъ не потерялъ энергіи и продолжалъ работать при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Изъ его писемъ къ намъ мы видѣли, что онъ по прежнему горячо и страстно отдавался труду.

Странна и драматична была судьба педагога, находящагося на службѣ и посвятившаго себя наукѣ. Онъ желалъ проработать въ Сибири еще 3 года и для окончанія занятій по исторіи пріѣхать въ Петербургъ. Ожиданія его не сбылись. Въ послѣднемъ письмѣ отъ него 20 марта онъ извѣщаетъ о печатаніи своей хронологіи и заканчиваетъ его слѣдующими словами: „пока меня изъ службы не выгнади, о презрѣнномъ металлѣ я не забочусь, а вотъ другое дѣло, когда меня выгонятъ“...

Что было причиной смерти этого молодаго человѣка, что оборвало этотъ горячій трудъ, что разбило это честное сердце, телеграмма не говоритъ. Новое ли горе или случайная болѣзнь, насмѣшка судьбы? Несомнѣнно, что намъ приходится сказать вмѣстѣ съ нашею горькою страной:

У богатаго недруги мрутъ,

А у бѣднаго другъ умираетъ.

Что бы тебя ни сразило, честный труженикъ, уже успѣвшій всетаки поработать и дать матеріалъ къ исторіи страны, которую полюбилъ ты, какъ мы ее любимъ память о тебѣ останется въ нашемъ сердцѣ съ лучшими людьми нашей родины.

СИБИРСКИЙ КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БОРЬБѢ СЪ КАБАКОМЪ.

Всѣмъ извѣстна монополія кабачнаго дѣла, держащая дѣлье округа и районы въ своихъ рукахъ. Эта монополія винокуровъ смѣнила откупа. Въ западной Сибири также есть своя монополія, владѣнія которой простираются впрочемъ и за ея предѣлы на Пермскую и другія губерніи. Едва ли нужно говорить о томъ, сколько толстыхъ кошельковъ окончательно истощилось въ неравной борьбѣ съ монополіей, сколько перепахиваетъ населеніе—все это надо считать милліонами. Обыкновенно борьба эта для коммерсантовъ кончалась или банкротствомъ, или примиреніемъ на условіяхъ полного подчиненія монополіи, причемъ позволялось эксплуатировать ограниченное число кабаковъ, по усмотрѣнію монополиста. Таковъ окончательный результатъ конкуренціи коммерсантовъ. Но интересно знать, во что обходится эта монополія крестьянству. Слѣдующій фактъ довольно характеристиченъ въ этомъ отношеніи.

Горнозаводское С—ское общество *), въ количествѣ 6000 душъ, имѣетъ 5 кабаковъ. Года 3—4 тому назадъ всѣ кабаки въ селѣ были въ рукахъ одного монополиста. Долго ли, коротко ли, но по пословицѣ — „мужикъ хоть сѣръ, а умъ у него не чортъ съѣлъ“ — С—ское общество взялось дѣйствительно за умъ и захотѣло имѣть собственные кабаки (тяжко пришлось отъ цѣловальниковъ). Генералу дали приговоръ только на одинъ кабакъ, а четыре—общество оставило за собой; такимъ образомъ только около одной пятой всѣхъ трудовыхъ грошей С—скихъ рабочихъ стало поступать въ генеральскую кошну, а около четырехъ пятыхъ осталось въ рукахъ рабочихъ. Конечно, на первыхъ порахъ здѣсь было не безъ грѣха, и изъ общественной кассы, по слабости и несовершенству контроля, пропитые гроши попадали не всегда куда слѣдуетъ, но это зло скоро искоренилось при дружномъ усиліи общества, и мѣстнымъ Юханцевымъ пришлось ступешаться. Дивидендъ за первый годъ далъ возможность заплатить сполна всѣ причитающіяся съ общества денежные государственныя повинности, устроить новое училище и содержать учителя, выстроить новый домъ для волостнаго правленія и обновить церковь.

На слѣдующій годъ общество, видя такіе доходы отъ пьянства, вздумало порвать связь съ генераломъ и рѣшило не давать ему приговора даже на одинъ кабакъ; но оно горько ошиблось и на опытѣ должно было познать всю титаническую силу монополиста. Монополистъ рѣшилъ жестоко наказать за такое „проявленіе образа мыслей“ С—кое общество и устроилъ вмѣсто кабака винный складъ; на послѣдній, какъ извѣстно, приговора не надо; продавать же въ розницу, благодаря мѣстнымъ порядкамъ и такой силѣ, какова у нашего генерала, изъ склада одинаково удобно, какъ и изъ кабака. Къ тому же, для примѣрнаго наказанія, водка въ складѣ, по распоряженію монополиста, продавалась гораздо дешевле, нежели въ общественныхъ кабакахъ, а для заводской администраціи въ складѣ имѣлись разные ликеры, вина и проч., чего общественные кабаки имѣть не могли.

Разумѣется, дешевизна привлекла всѣхъ рабочихъ въ

складъ вмѣсто кабаковъ, и общество потерпѣло за этотъ годъ полное фіаско. Этотъ опытъ убѣдилъ вольнодумцевъ жить въ мирѣ съ монополистомъ, и съ тѣхъ поръ ему даютъ приговоръ на одинъ кабакъ въ селѣ при четырехъ общественныхъ, съ обязательствомъ не продавать водки дешевле, чѣмъ въ общественныхъ кабакахъ. Кромѣ того, генералъ выговорилъ условіе, чтобы во всѣхъ кабакахъ была его водка.

Контроль и отчетность въ торговлѣ теперь поставлены хорошо. Годовой дивидендъ (за послѣдній годъ) доходилъ до 10.000 р. и оплачивалъ всѣ государственныя и общественныя повинности, въ томъ числѣ и школы С—скихъ рабочихъ.

Но много ли такихъ обществъ во всей сатрапіи полководца „отъ кабатчиковъ“? Въ сибирскихъ округахъ ихъ почти нѣтъ: сибирскій мужикъ пока безпрепятственно позволяетъ себя стричь; земельный просторъ спасаетъ его отъ пауперизма, но и этому благу скоро предвидится конецъ. Встрѣчаются такія предусмотрительныя общества, какъ С—ское, изрѣдка въ большихъ горнозаводскихъ селахъ; стало быть, монополисту всюду просторъ. Сколько же народныхъ школъ поглотилъ онъ, благодаря своей демонической монополіи? Сколько общественныхъ суммъ, ближайшимъ назначеніемъ которыхъ было—удовлетворить вопіющимъ нуждамъ обществъ и требованіямъ государственнаго казначейства, перешло въ карманъ могущественнаго монополиста?.. Объ этомъ стоитъ подумать.

А—повѣ.

ПРЕСЛѢДОВАНІЯ СТАРООБРЯДЦЕВЪ ВЪ СИБИРИ.

Года два-три тому назадъ въ нашихъ газетахъ довольно много писалось о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались старообрядцы въ разныхъ концахъ и углахъ далекой дореформенной Сибири. Съ изданіемъ закона 3-го мая, какъ извѣстно, предоставившаго старообрядцамъ право отправлять общественное богослуженіе и совершать духовныя требы, — можно было надѣяться, что эти преслѣдованія уже болѣе не будутъ имѣть мѣста. Къ сожалѣнію, печальные факты текущей дѣйствительной жизни невольно заставляютъ отказаться отъ этой надежды. Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ такихъ фактовъ.

Въ городѣ Минусинскѣ давно уже живетъ старообрядческій священникъ Иванъ Головачевъ. 9-го ноября прошлаго 1883 года онъ былъ приглашенъ для исправленія требы своими прихожанами, живущими въ деревнѣ Быстрихѣ, отстоящей въ 25-ти верстахъ отъ города Минусинска. Исполнивъ требы, священникъ Головачевъ отправился обратно домой; но не успѣлъ онъ сдѣлать и половины пути, какъ былъ настигнутъ мѣстнымъ засѣдателемъ.

— Стой! что за человекъ?... А, раскольничій попъ! Арестовать его!...

Засѣдатель арестуетъ Головачева и отвозитъ его къ себѣ на квартиру. Здѣсь отъ Головачева настоятельно потребовался „откупъ“ въ количествѣ ста рублей. Но такъ какъ старообрядческій священникъ не могъ уплатить такой суммы, то поэтому былъ препровожденъ засѣдателемъ въ мѣстное волостное правленіе, гдѣ его посадили въ арестантскую „холодную“. При этомъ отъ него были отобраны находившіеся при немъ святыя дары, богослужебныя книги и нѣкоторыя другія церковныя принадлежности. Все это было

*) Частный желѣзо-дѣлательный заводъ на значительномъ торговомъ трактѣ (Ирбитъ-Тагиль).

отослано частію въ мѣстное губернское правленіе, частію въ духовную консисторію.

Между тѣмъ засѣдатель, видя скудость средствъ священника Головачева, началъ мало-по-малу сбавлять назначенную имъ цифру выкупа и, наконецъ, они сошлись на тридцати рубляхъ. Только по уплатѣ этихъ денегъ Головачевъ былъ освобожденъ изъ—подъ ареста. Вернувшись въ Минусинскъ, старообрядческій священникъ заявилъ мѣстнымъ властямъ о вымогательствѣ засѣдателя и о неправильномъ арестѣ его и въ то же время подалъ прошеніе о возвращеніи ему отобранныхъ отъ него церковныхъ принадлежностей. Сторону священника Головачева приняли многіе изъ мѣстныхъ купцовъ, благодаря хлопотамъ которыхъ (въ Сибири до сихъ поръ ничего не дѣлается безъ хлопотъ) губернское правленіе возвратило Головачеву часть отобранныхъ отъ него принадлежностей богослуженія. Но книги, попавшія въ духовную консисторію, такъ и застряли въ ней.

Десятый пунктъ закона 3-го мая 1883 года гласитъ: „Уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за сіе преслѣдованію“... Спрашивается, на какомъ же основаніи сибирскіе засѣдатели столь развязно расправляются съ старообрядческими наставниками? И долго ли еще эти господа будутъ гнать и раззорять мирныхъ, ни въ чемъ „противозаконномъ“ неповинныхъ людей?..

А. П.—авианъ.

ВНИМАНІЮ СИБИРСКИХЪ МЕДИКОВЪ.

Въ Москвѣ давно существуетъ антропологическій отдѣлъ; какъ извѣстно, въ Петербургѣ также готовится открытіе антропологическаго общества, которое ставитъ цѣлью изслѣдованіе различныхъ племенъ Европейской Россіи и Сибири. Какъ мы уже сообщали, сибиряки, учащіяся въ Петербургѣ, заинтересованные этимъ предметомъ, слушали нынѣшнюю зиму лекціи и брали практическіе уроки антропологическихъ измѣреній.

Но, кромѣ того, огромную услугу въ этомъ случаѣ могли бы оказать медики, проживающіе въ Сибири въ районахъ, гдѣ находятся инородцы. Изслѣдованія надъ инородцами могутъ быть легко произведены въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ, въ Читѣ въ Забайкальѣ надъ бурятами, въ Якутскѣ надъ якутами, въ Минусинскѣ надъ енисейскими черневыми татарами, въ Нарымѣ, Березовѣ, Сургутѣ надъ остяками, въ Бійскѣ надъ калмыками, въ Кузнецкѣ надъ черневыми татарами, въ Омскѣ, Петропавловскѣ, Кокчетавѣ и друг. областныхъ городахъ надъ киргизами. Полагаемъ, что медики наши поймутъ важность и значеніе этого предмета.

Странно, что при массѣ докторскихъ диссертаций, въ которыхъ принимають участіе и сибирскіе доктора, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ изслѣдованій надъ инородцами. Медикъ, помимо обыкновенныхъ антропологическихъ измѣреній и наблюденій, можетъ подмѣтить и любопытнѣйшія физиологическія и анатомическія особенности. Могутъ быть произведены наблюденія надъ силою ощущенія, зрѣнія, слуха, обонянія, наконецъ, въ питаніи и вліяніи на организмъ различной пищи и т. п. Измѣненія въ кожѣ, цвѣтѣ и даже типѣ племенъ, переходящихъ отъ кочеваго и охотничьяго быта къ осѣдлому, это также наблюденія, которыя заслуживаютъ вниманіе и общають весьма любопытные результаты для науки.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Парижѣ заняты изслѣдованіемъ надъ калмыками *), между тѣмъ какъ въ Россіи не положено

*) Во французскомъ журналѣ «Revue d'Anthropologie» печатаются антропологическія наблюденія надъ калмыками. Измѣренія производи-

вовсе основаніе этому дѣлу. Великая честь будетъ принадлежать сибирякамъ-медикамъ, которые откликнутся на зовъ европейской науки и займутъ о своемъ желаніи принять участіе, чтобы объединить планъ научныхъ работъ.

Всѣ желающіе получить спеціальныя инструкціи, свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, а также выписать инструменты для измѣренія могутъ обратиться чрезъ нашу редакцію, мы съ удовольствіемъ исполнимъ всѣ справки.

Мы получили также свѣдѣнія, что при одномъ Туркестанскомъ альбомѣ были представлены этнографическія замѣтки и даже антропологическія измѣренія туземцевъ бывшаго кульдженскаго округа, сдѣланные врачами Поярковымъ и Мицкевичемъ. Гдѣ находятся эти измѣренія, намъ неизвѣстно и можемъ удостовѣрить, что ни до одного ученаго общества они не достигли. Мы бы совѣтовали обращаться съ такими изслѣдованіями прямо въ ученія общества, а не полагаться на официальныхъ поставителей альбомовъ, которые преслѣдуютъ свои собственные цѣли, а не цѣли науки.

ХРОНИКА.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ВЪ ПОЛЪЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ КРЕСТЬЯНЪ СИБИРСКИХЪ ОКРУГОВЪ.

Въ редакцію доставлено въ помощь голодающимъ Тюменскаго округа пожертвованіе отъ Иннокентія Михайловича Сибирякова въ 300 р. для пересылки въ учрежденный комитетъ въ Тюмени и для выдачи неимущимъ хлѣбомъ или зерномъ. Въ тотъ же день деньги переведены нами въ Тюмень телеграфомъ, причемъ «Сибирскій банкъ» сдѣлалъ переводъ съ значительною уступкою, имѣя въ виду благотворительную цѣль.

Въ пользу семьи покойнаго Омудевскаго прислано въ добавленіе къ прежнимъ пожертвованіямъ: отъ Поплавскаго (съ подписнымъ листомъ) 14 руб.; отъ начальника канцеляріи амударьинскаго отдѣла С. В. Чурсина 6 руб. (съ подписнымъ листомъ). Чрезъ редакцію газеты «Сибирь»: отъ Г. В. Стронскаго 10 руб., В. А. Алексѣева 5 руб., В. Е. Скрипотчикова 3 руб., Д. В. Гонтимурова 7 руб. и отъ Зиновія Осиповича Баженова 10 руб. Итого 55 руб.

Якутскій епископъ Діонисій, по указу святѣйшаго правительствующаго синода, переведенъ въ Уфимскую епархію. Онъ оставилъ по себѣ прекрасную память, судя по присланному письму изъ Якутской области. Въ продолженіе 43-лѣтняго своего служенія преосвященный Діонисій пользовался любовью и уваженіемъ мѣстныхъ жителей Якутской области. Ему, прибывшему молодымъ священникомъ изъ Рязани въ Якутскъ, на долю выпала обязанность походнаго священника. Приходилось посѣщать самыя отдаленныя мало обитаемыя мѣста области и испытывать тѣ трудности и лишения, съ которыми связана служебная дѣятельность походнаго священника при разъѣздахъ по суровой Якутской области: почевать на снѣгу, совершать обряды на 40° морозѣ въ холщевой палаткѣ или въ тунгусской уросѣ, развѣзжать верхомъ на оленяхъ, при недостаткахъ въ пищѣ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Такимъ образомъ, въ теченіе 10 лѣтъ, въ качествѣ походнаго священника, преосвященный Діонисій посѣщалъ Колымскій край, Чукоцкую землю, берега Ледовитаго моря отъ устья рѣкъ Оленека и Лены до устья рѣки Анадыра, Удскій край, который нынѣ принадлежитъ къ Амуру, Аянско-Охотскую тайгу и верховья рѣки Вилюя. Эти путешествія по мѣстностямъ, населеннымъ тунгусами и якутами, принудили его выучить якутскій

языкъ надъ калмыками за границею Мечниковымъ, Уйфальви, Эркерттомъ, Топинаромъ, Гольдштейномъ, Деникеромъ и г. Мережковскимъ нынѣ пребывающимъ въ Петербургѣ.

языкъ, такъ какъ ему постоянно приходилось имѣть дѣло съ людьми, не понимающими русскаго языка. Убѣдившись, что литургія и все богослуженіе на русско-церковномъ языкѣ этому народу совершенно непонятны, онъ съ разрѣшенія бывшаго архіепископа Иннокентія, въ послѣдствіи митрополита московскаго, перевелъ какъ священное писаніе, такъ и литургію на якутскій языкъ. Затѣмъ, будучи протоіереемъ, Діонисій овдовѣлъ и святѣйшимъ синодомъ былъ избранъ въ санъ епископа якутскаго и вилюйскаго. Благодаря его стараніямъ, совершенно много поправокъ старыхъ церквей и церковныхъ зданій, а также выстроено въ округѣ много новыхъ церквей частными лицами, безъ всякой помощи со стороны правительства. Въ частной жизни онъ былъ уважаемъ каждымъ, зналъ всѣхъ жителей города, многихъ съ дѣтскаго возраста, и былъ доступенъ безъ различія званія и положенія всѣмъ тѣмъ, которые нуждались въ его совѣтѣ. Онъ не ограничивался одними только словами и въ нуждѣ щедро подавалъ руку помощи. Жители города Якутска теряютъ теперь въ лицѣ преосвященнѣйшаго Діонисія не только ревностнаго архіепископа, но достойнѣйшаго человѣка и добродѣтельнѣйшаго друга, память о которомъ сохранится надолго въ жизни этого города.

СЛУЧАЙ НА ВОЛЖСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

Господинъ редакторъ, доводимъ до вашего свѣдѣнія и покорнѣйше просимъ васъ помѣстить въ вашей многоуважаемой газетѣ слѣдующій возмутительный фактъ.

На послѣдней пароходной станціи предъ г. Пермью «Нытва», одинъ изъ мальчиковъ, лѣтъ 8-ми, проѣзжавшій въ Пермь вмѣстѣ съ матерью, незамѣтно вышелъ отъ послѣдней на пристань. Мать долго искала сына на пароходѣ и не нашла. Когда пароходъ отошелъ не болѣе какъ на сажень отъ пристани, мать, замѣтивши сына оставшимся на пристани, плача просила капитана парохода «Бабка» вернуться или выслать за ея сыномъ лодку, но капитанъ не обратилъ вниманія на слезы матери и даже, по словамъ ея, оттолкнулъ несчастную. Пассажиры всѣхъ трехъ классовъ, возмущенные такого рода поступкомъ капитана, обратились съ просьбой къ послѣднему воротиться на пристань или же выслать лодку за мальчикомъ, но просьбы господъ пассажировъ остались тщетны. Отѣхавъ около трехъ верстъ отъ станціи «Нытва», мать этого ребенка была, по приказанію капитана, высажена на встрѣчную крестьянскую лодку. Такимъ образомъ несчастная женщина вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ осталась въ такой мѣстности, гдѣ, какъ говорили люди, знающіе этотъ край хорошо, трудно достать кусокъ хлѣба, а тѣмъ болѣе женщинѣ безъ копейки, какъ она сама говорила.

П. Н. Шейминъ, магистрантъ петербургскаго университета.

В. М. Тютрюмовъ, томскій сельскій окружной врачъ.

П. П. Дормашевскій, кандидатъ с.-петербургскаго университета.

А. М. Скородумовъ, потомственный почетный гражданинъ, служащій при уральской желѣзной дорогѣ.

Что нѣкоторыя указанія печати не проходятъ даромъ, доказательствомъ служитъ слѣдующій приказъ:

«Циркуляръ по войскамъ Омскаго военнаго округа. Разсмотрѣвъ переписку, представленную командующимъ войсками Семирѣченской области, по поводу корреспонденцій, помѣщенныхъ въ № 49 газеты «Восточное Обозрѣніе» за 1883 г., я между прочимъ нашелъ, что младшій штабъ-офицеръ 3-го западно-сибирскаго баталіона майоръ Канъшинъ долгое время имѣлъ у себя въ услуженіи одного рядоваго, кромѣ двухъ положенныхъ ему по закону въ качествѣ казенной прислуги, и что объ этомъ отступленіи отъ закона зналъ командиръ баталіона полковникъ Поповъ и не принималъ никакихъ мѣръ къ его устраненію. За такія отступленія отъ предписанныхъ закономъ правилъ я, на основаніи 175 и 182 ст. С. В. П. 1869 г. XXII (изд. 2), опредѣляю майора Канъшина арестовать домашнимъ арестомъ на семь сутокъ, полковнику же Попову объявляю выговоръ.

Подлинный подписалъ командующій войсками округа генералъ-лейтенантъ Колпаковскій».

До насъ достигли слухи, что посланный на ревизію генералъ Свистуновъ былъ въ послѣднее время болѣвъ въ г. Омскѣ; мѣстные врачи будто дали свое заключеніе, что степной климатъ вреденъ генералу. Гигіеническія заботы врачей понятны и, вѣроятно, имѣютъ свои основанія. Климатъ неблагопріятенъ, можетъ быть, лично для генерала Свистунова, но такъ ли онъ вреденъ вообще для ревизора. Въ виду успѣха ревизіи можно пожелать, чтобы здоровье ревизора, на котораго возлагаются многія надежды, возстановилось и поправилось. Сибирскій климатъ не такъ губителенъ, какъ противъ него предубѣждаютъ.

Дѣло доктора Путилова въ г. Омскѣ, какъ видно, не кончено, и вмѣсто врача Дидрикса судить теперь врача, рѣшившаго открыть злоупотребленія и который уже заслуживаетъ гораздо меньшаго снисхожденія.

Не лучше участь и честнаго врача 3-го западно-сибирскаго линейнаго баталіона Пояркова, который возбудилъ слѣдствіе по поводу эксплуатаціи солдатъ для частныхъ работъ. Страданія и болѣзни солдатъ были констатированы. Какъ видно, было слѣдствіе, но какъ пишутъ, оно недостаточно было полно и не достигло своей цѣли. Между тѣмъ положеніе врача, стоявшаго по долгу службы и присяги за правду, становится невыносимымъ.

Изъ Алтайскаго округа мы получаемъ на первый разъ жалобы и намеки, что вмѣсто стараго инженерскаго родственнаго древа начинается разрастаться новое. По этому поводу ходитъ забавное стихотвореніе въ горныхъ городахъ:

Пріѣхалъ къ намъ начальникъ — ринъ
А съ нимъ и братъ, и зять, и шуринъ.
И двое свояковъ, и кумъ

Конечно, если это правда, то приходишь къ грустнымъ заключеніямъ, имѣя въ виду надежды и чаянія на правдивый порядокъ, который долженъ былъ бы замѣнить «старый неправедный режимъ».

Намъ пишутъ, что несчастные кульджинскіе поселенцы изъ русскихъ, именно изъ солдатъ, обзаведшіеся въ Кульджѣ домами, и выселившіеся съ отдачей Кульджи, ничего не получили за свою собственность, хотя имъ обѣщали заплатить. Имущество русскихъ бѣдняковъ досталось въ руки китайцевъ. Странно! мы слышали, что были ассигнованы деньги на вознагражденіе, но тогда, куда же онѣ попали?

КОГДА КОНТРОЛЬ СЛЫШИТЬ.

Контрольная палата города О. не видала громадныхъ расходовъ по телеграфному вѣдомству. Объ этомъ идетъ теперь слѣдствіе. Расходы, говорятъ, выводились этими господами чудовищные, но контроль былъ глухъ и ничего не слышалъ. Точно также онъ былъ слѣпъ и относительно госпитальныхъ хищеній. Но за то, когда протопопъ С—овъ 30 августа 1883 года послалъ дьякона попросить управляющаго контрольной палатой С.—К. и пріятеля его генерала А. не мѣшать церковной службѣ громкими разговорами, то контроль на другой же день прислалъ ему начеть въ 40 руб., и С—овъ заплатилъ. А генералъ А. въ тотъ же день послѣ обѣда подозвалъ дьякона и приказалъ ему передать протопопу, что онъ ему не проститъ этой дерзости, а напишетъ архіерею.

Сибирская флотилія увеличивается на два судна, строящіяся—одно въ Финляндіи, другое въ Швеціи. Названія этихъ судовъ (канон. лодокъ): «Сивучъ» и «Бобръ». Моряки весьма рады приращенію своей совсѣмъ обѣднѣвшей флотиліи судовъ - ползуновъ. Кстати замѣтимъ, что, по свѣдѣніямъ отъ моряковъ, во флотиліи мало теперь опытныхъ командировъ, а въ нихъ чувствуется нужда, чтобы не повторился случай подобный шхунѣ «Востокъ».

Намъ пишутъ изъ Восточной Сибири, что извѣстное «кирепское дѣло» по обвиненію кабалителей приленскаго населенія братьевъ Дмитріевыхъ въ убійствѣ крестьянина д. Горбовой Суханова вступило въ новый фазисъ. Слѣдователь призналъ преступленіе Дмитріевыхъ совершеннымъ въ запальчивости и ихъ самихъ подлежащими ссылкѣ въ Якутскую область. Иркутскій губернский судъ призналъ преступленіе Дмитріевыхъ совершеннымъ въ дракѣ и однихъ оправдалъ, другихъ освободилъ отъ наказанія по манифесту. Губернаторъ С. И. Носовичъ, рассмотрѣвши дѣло, призналъ преступленіе Дмитріевыхъ совершеннымъ съ заврабѣ обдуманномъ намѣреніемъ и обвиняемыхъ подлежащими ссылкѣ въ каторжныя работы, троихъ на 10 лѣтъ и одного на 8 лѣтъ. Какъ разсудить главное управленіе и сенатъ, неизвѣстно.

Въ дополненіе къ замѣткѣ (№ 10-й газеты «Сибирь») намъ пишутъ: «о происшествіи, случившемся въ Иркутскѣ на блиновской улицѣ, въ домѣ Шаламова, считаемъ недлишимъ присовокупить, что, какъ мы слышали, г. Шаламовъ дважды заявлялъ частному приставу Первалову о намѣреніи извозчика убить его кухарку, но со стороны послѣдняго распоряженія никакого не послѣдовало. Тогда г. Шаламовъ подалъ форменное заявленіе г. полиціймейстеру, который заявленіе это препроводилъ на распоряженіе того же Первалова; но въ это время злодѣй успѣлъ уже привести свое намѣреніе въ исполненіе!»

Изъ Колывани намъ пишетъ одинъ обыватель: «въ домѣ мѣщанина Игольниковъ была гулянка, пришелъ къ нему его родной отецъ; сынъ же въ пьяномъ видѣ бываетъ буйный, и вотъ когда увидалъ своего отца, началъ ссориться, т. е. ругать, причемъ онъ выгналъ отца изъ своего дома; когда вытащилъ сына отца на дворъ, отецъ вырвался у сына изъ рукъ, взялъ заворину, т. е. оглоблю, ударилъ сына по спинѣ, сынъ же отнялъ у отца заворину, ударилъ отца по головѣ, который палецъ, и сынъ у отца на головѣ волосы всё вытербилъ, оставилъ одинъ пушокъ, о чемъ дали знать въ полицію полицейскому надзирателю К., который былъ у избитаго съ докторомъ; избитый заявилъ, что умереть отъ побоевъ сына, и священнику на исповѣди заявилъ обо всемъ, и когда избитый умеръ, полицейскій надзиратель К. отпривалъ умершаго въ ледникъ съ виновникомъ—сыномъ, который остался не арестованнымъ. Совѣтъ злодѣя мучила, онъ ѣздилъ отыскивать мѣщанина Лыкова, караулить отца; его спросили, на что тебѣ Лыкова?—Да отца караулить.—Да развѣ онъ помереть скоропостижно?—Да.—Ну, а ты?—А я въ острогѣ. Потомъ, пріѣхавъ домой, взялъ топоръ, положилъ въ пошовни и говорить женѣ и постояльцу: «поѣду мясо отца моего изрублю все въ куски». Постоялецъ же, видя его отчаянность, незамѣтно вынулъ топоръ, а онъ ухалъ; по пріѣздѣ къ леднику не найдя топора въ пошовняхъ, онъ пріѣхалъ обратно домой, разгромилъ же-лу, которая вырвалась и объявила полицейскому надзирателю К. и тогда только его арестовали; и что же, при анатомированіи тѣла отца будто бы боевыхъ знаковъ не оказалось, а умеръ отъ горячности (странныя причины смертности въ Колывани). Удивительно! жердь и колѣнки сына, которыми онъ топталъ грудь отца, были вѣроятно мягки и отъ нихъ не могли пострадать ребра, и не оказалось знаковъ, вотъ такъ истинно чудеса! Затѣмъ и самый преступникъ выпущенъ на поруки, значитъ, для другихъ сыновей—хорошій примѣръ и урокъ, и можно отца убить и остаться безнаказаннымъ, а какъ бы, если бы самого К. такъ попотчивали, едва ли понравилось бы ему, а докторъ молодой человѣкъ не долженъ былъ давать потачки убійцѣ отца», прибавляетъ простодушный бытописатель.

СПРАВКА О МАДАМЪ БУЛАХЪ.

Вниманіе Россіи приковываетъ дѣло г-жи Булахъ и захватъ ею капиталовъ ея жертвы, несчастной Мазуриной. Въ этомъ дѣлѣ интересенъ эпизодъ поѣздки Мазуриной въ Томскъ для сношеній съ алтайской миссіей и для поступленія туда въ монахини. Не слышалъ ли кто-либо изъ томичей объ этомъ дѣлѣ? Какъ Мазурина узнала въ Ржевѣ, напимѣръ, объ Алтай и вос-

пламенилась ѣхать туда—все это загадочно. Въ концѣ концовъ въ Томскѣ, вѣроятно, попадетъ сама Булахъ и подобно «черной бандѣ», конечно, здѣсь найдетъ свою протекцію.

Въ Петербургѣ получено извѣстіе о скоромъ выѣздѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина въ Петербургъ, причемъ генералъ хочетъ въ послѣдній разъ посѣтить отходящій изъ вѣдѣній восточно-сибирскаго генералъ-губернаторства Амуръ. Возвращеніе въ Петербургъ будетъ совершенно во кругъ свѣта, носятся слухи, что поѣздка эта имѣетъ отношеніе и къ Командорскимъ о—вамъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Троицкосавскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Да, многого, очень многого здѣсь нѣтъ. Вотъ хотя бы, напимѣръ, публичной библіотеки: въ самомъ послѣднемъ захолустномъ сибирскомъ городишкѣ вы найдете подобное учрежденіе, не найдется же такового развѣ лишь въ „заштатномъ“ Туруханскѣ или какомъ нибудь Зашиверскѣ да наряду съ ними также и у насъ здѣсь, гдѣ имѣется средне-учебное заведеніе, да еще какое—реальное училище, и притомъ единственное на всю Восточную Сибирь, на заведеніе коего, въ честь и славу скажемъ, мѣстное общество отсыпало солидную сумму. Но вотъ подите жъ, на одно полезное учрежденіе, требовавшее крупной суммы, у насъ деньги нашлись, а на другое хотя бы сотня одна—другая рублей въ годъ отъ города, этого ужъ у насъ нѣтъ. Чѣмъ такое, повидимому, странное противорѣчіе объясняется, вы, читатель—сибирякъ, конечно, хорошо понимаете, а потому и я молчу и ставлю точку. Впрочемъ, какія ужъ тутъ намъ библіотеки, это больше приличествуетъ „гнилому Западу“ (конечно, не Сибири, а Европы, хотя и въ Россіи онѣ не считаются излишними, даже для потребностей тѣхъ, кои сочинили „гнилой Западъ“), а то вотъ у насъ здѣсь нѣтъ даже и того, безъ чего и западникамъ, и славянофиламъ одинаково худо приходится, — я разумѣю всероссійскую самую обыкновенную торговую баню: здѣсь и этого нѣтъ. Да, общественной бани здѣсь не существуетъ, а потому при омытіи грѣховныхъ тѣлесъ людскихъ поступаетъ вотъ какъ. Если я такой счастливецъ, что при моей квартиркѣ есть и банька, величиною и всѣми удобствами напоминающая собою курятникъ, и притомъ еще полуразвалившаяся и продуваемая съ полу и изъ оконъ, то мнѣ, конечно, не воспрещается топить оную по востребованію. Ежели же я, перемѣнивъ квартиру, попаду на такую, гдѣ вовсе нѣтъ даже и курятникообразной и полуразвалившейся бани (многія квартиры безъ бань), то со мною должно будетъ повторяться тоже, что бываетъ съ моимъ добрымъ знакомымъ Иваномъ Никифоровичемъ, а именно: пока онъ друженъ съ Иваномъ Ивановичемъ, послѣдній великодушно разрѣшаетъ ему мыться въ своей банѣ; но зато ужъ какъ только пробѣжитъ между ними черная кошка, такъ бѣдный Иванъ Никифоровичъ принужденъ ходить и кланяться другимъ, съ просьбою о разрѣшеніи помыться въ банѣ, такъ что каждый разъ, какъ захотѣлъ въ баню, такъ и иди съ поклономъ къ кому нибудь. Отъ этого и немудрено здѣсь встрѣчать на каждомъ шагѣ грязь, а не чистоту: послѣдняя дорого обходится.

Но ужъ что всякій положительно признаетъ варварствомъ, такъ это именно то, что въ богоспасаемомъ градѣ нашемъ—представьте себѣ—нѣтъ даже аптеки, такъ что когда намъ требуется медицинская помощь, то за этимъ приходится прогуливаться въ Кяхту, отстоящую отсюда въ четырехъ верстахъ. Почему же аптека нахо-

дится не въ Троицкосавскѣ, имѣющемъ 4,000 жителей, а въ Кяхтѣ, гдѣ живетъ какая нибудь сотня „ихъ степенствъ“, когда то и другое составляютъ собственно единое цѣлое (приписная къ городу слобода Кяхта подчиняется въ общественномъ отношеніи Троицкосавской городской думѣ и въ полицейскомъ—мѣстной же полиціи)?*). Очень просто: въ городѣ-то живетъ главнымъ образомъ чиновничество (да и то—все „изъ маленькихъ“: генерала ни одного нѣтъ; ну, стоитъ ли обращать вниманіе на такую „мелюзгу!“) и еще мѣщане и нижніе воинскіе чины, а въ слободѣ живутъ все тузы-капиталисты. А такъ какъ сила и правда, разумѣется, на сторонѣ капитала, то и аптека, конечно, должна находиться ужъ никакъ не въ Троицкосавскѣ, а, само собою разумѣется, именно въ Кяхтѣ. Благодаря же такому порядку вещей, покоящемуся на столь логическомъ основаніи, у насъ въ городѣ происходитъ слѣдующее: кто побогаче, тотъ всегда имѣетъ у себя дома наготовѣ маленькую аптечку съ важнѣйшими снадобьями, вслучаѣ же отсутствія въ ней какого нибудь продукта латинской кухни, требуемаго рецептомъ врача, немедленно же снаряжается лошадь въ Кяхту, и 8 верстъ туда и обратно оказываются ни по чемъ; а вотъ когда тоже самое касается до тѣхъ, которые своихъ лошадей и „сидѣекъ“ не имѣютъ, такъ ужъ тутъ являються затрудненія, имущимъ лошадей неизвѣстныя, вѣроятно. Въ послѣднемъ случаѣ это можетъ относиться къ людямъ двухъ категорій: одни хотя своихъ лошадей не имѣютъ, но зато знакомы съ имущими лошадями; другіе же ни лошадей не имѣютъ, ни знакомства съ имущими лошадями тоже не имѣютъ. Первымъ приходится поступать такъ: вскочилъ, напр., у меня на лбу чирей, разбивается до того, что ломить голову—нужно пластырю на 3 коп.; отправляюсь къ кому нибудь изъ знакомыхъ: такъ и такъ, „смѣю ли просить объ одолженіи“... лошади (сегодня—лошади, завтра—бани, послѣзавтра—газетки или книги и т. п., ибо ни того, ни другаго, ни третьяго—общественныхъ и безъ поклона доступныхъ каждому—нѣтъ); въ отвѣтъ на это иногда, конечно, получишь желаемое, а иногда, чтобы купить пластырю на 3 коп., приходится заплатить цѣлый рубль за лошадь (другому знакомому, который за эту услугу деньги беретъ). Вторые же несчастные, въ случаѣ надобности, принуждены совершать свои путешествія въ Кяхту—per pedes apostolorum. Такая 8-верстная прогулка, да особенно еще когда требуется послѣднность, и въ лѣтнее то время, при зноѣ и пыли, даетъ себя знать чувствительно, а когда нужда заставляетъ совершать ее зимою, при 30° морозѣ, напр., то этого не могутъ чувствовать развѣ только тѣ, кто, имѣя своихъ рысаковъ и бойко проѣзжая мимо этихъ съезжившихся бѣдняковъ, въ Кяхту или изъ Кяхты торопливо чистящихъ, воистину „очи имутъ и не видятъ, уши имутъ и не слышать“....

И. Щегловъ.

Иркутскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Казалось бы, переименованіе мѣстнаго баталіона въ резервный должно имѣть чисто военное значеніе и нисколько не касается мирныхъ гражданъ. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ выходитъ совсѣмъ другое. Не успѣлъ

баталіонъ переименоваться, какъ у него появились новыя требованія. Патронная мастерская и пороховой погребецъ, только что выстроенные городомъ по утвержденнымъ къ нимъ слѣдуетъ планамъ и сданные уже военному начальству, оказались почему то тѣсными и по потребовалось—расширить мастерскую и выстроить другой погребецъ; потребовалась кузница, и притомъ вопреки всякимъ строительнымъ правиламъ въ самомъ казарменномъ дворѣ, а не на берегу рѣки, потребовался цейхгаузъ для какого то неприкосновеннаго склада на шестнадцать ротъ. По закону, наемъ помѣщеній для военныхъ заведеній составляетъ обязанность распорядительнаго комитета, который замѣняется въ Сибирѣ губернскимъ совѣтомъ; но здѣшній губернской совѣтъ не счелъ нужнымъ безпокоить себя такими пустяками и все взвалилъ на городское общественное управленіе; при этомъ было приказано всѣ показанныя заведенія непременно построить, и непременно къ 1 июня, тогда какъ законъ предоставляетъ общественнымъ управленіямъ нанимать или отводить помѣщенія, а не обязываетъ непременно строить новыя, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ имѣть только временное значеніе и затѣмъ оказаться ненужными военному вѣдомству, а городу они не нужны и подавно. При этомъ губернской совѣтъ распорядился отпустить городу на постройку у цейхгауза 2400 р. по разсчету, установленному только для найма цейхгауза, и только для ополченія, а не для строеваго баталіона; что же касается до прочихъ заведеній, то ихъ требуется выстроить на счетъ тѣхъ же 3,000 р., которыя и прежде отпускались, и опять только для найма помѣщеній для баталіоннаго штаба и его заведеній, т. е. въ сущности выстроить чисто на городской счетъ. Нужно еще замѣтить, что, по закону, размѣръ помѣщеній для военныхъ заведеній опредѣляется по взаимному соглашенію подлежащихъ министерствъ; на какомъ же основаніи губернской совѣтъ назначилъ размѣръ требуемыхъ имъ помѣщеній, неизвѣстно,—кромѣ того, что увеличеніе патронной мастерской требуется на основаніи мнѣнія какого-то артиллерійскаго полковника, который нашель, что нынѣшняя мастерская мала.

Чтобы покончить съ баталіономъ, укажу еще на слѣдующій случай. Казармы, въ которыхъ помѣщается баталіонъ, ежегодно ремонтируются на большую сумму, и едва ли не болѣе большую сумму тратитъ городъ на отопленіе ихъ, и всетаки онѣ оказываются сырыми и холодными. Городская дума обратила вниманіе на это обстоятельство и постановила ввести контроль за употребленіемъ дровъ, для чего опредѣлить особаго смотрителя. Изъ того, что дума назначила смотрителю 600 р. жалованья, видно уже, какъ велики были потери города по этой части. Говорятъ, что и нынѣ нѣкоторыя офицеры дѣлаютъ „позаимствованіе“ дровъ изъ казарменнаго запаса, разумѣется, съ благимъ намѣреніемъ когда нибудь возратить ихъ, и не считаютъ нужнымъ спрашивать объ этомъ у смотрителя; но тѣмъ не менѣе назначеніе смотрителя, съ одной стороны, показываетъ, къ какимъ мѣрамъ принужденъ прибѣгать городъ, чтобы хоть сколько нибудь охранить свое достояніе, а съ другой—не можетъ и смягчить отношеній военнаго начальства къ городу; но подать поводъ къ новымъ требованіямъ пожалуй, и можетъ.

Но не съ однимъ только баталіономъ приходится вѣдаться городскому управленію, хотя большая часть расходовъ по подобной повинности всетаки упадетъ на баталіонъ. Казачья сотня съ незамятныхъ временъ помѣщалась въ собственномъ домѣ; нынѣ оказалось, что домъ этотъ и тѣсенъ, и требуетъ ремонта; и вотъ, на городъ возлагается размѣщеніе сотни, да кстати и ремонтъ (чужаго-то) дома. У жандармскаго управленія то же есть собственный домъ, или вѣрнѣе казармы; а между тѣмъ для него и для жандармскихъ нижнихъ чиновъ опять-таки требуются квартиры отъ

*) Кстати, читатель календари изъ году въ годъ награждаютъ Троицкосавскъ и Кяхту, каждый городъ въ отдѣльности, по 5,000 жителей. Въ дѣйствительности же считается около 5,000 жителей въ Троицкосавскѣ, взятомъ вмѣстѣ съ слободою Кяхтою и еще съ другою слободою Усть-Кяхтою, отстоящею отъ города въ 20 в. Разница большая. По послѣднимъ официальнымъ даннымъ, въ Троицкосавскѣ выстѣсь съ Кяхтою и Усть-Кяхтою жителей обоаго пола—4,740, такъ что всетаки населеніе здѣсь на 700 душъ больше, чѣмъ въ областномъ городѣ Читѣ.

города, опять подь предлогомъ ремонта, — для нижнихъ чиновъ, впрочемъ, и подь какимъ то другимъ. Однимъ словомъ, требованіямъ разнаго рода нѣтъ конца.

Не мудрено, что воинскій постой сдѣлался большимъ мѣстомъ нашего городского управленія. Не проходитъ почти ни одного засѣданія думы, чтобы не пришлось обсуждать какія нибудь требованія по этой части и сѣтовать по ихъ поводу. Гласные говорятъ, что Иркутскъ похожъ на завоеванный городъ, для котораго съ каждымъ днемъ придумываютъ новыя контрибуціи. Чтобы хоть сколько нибудь облегчить положеніе города въ этомъ отношеніи, дума постановила ходатайствовать о переводѣ города въ первый разрядъ по постоянной повинности; онъ до сихъ поръ, не смотря на крайнюю дороговизну, состоитъ въ третьемъ разрядѣ. По городскому положенію, всѣ ходатайства городского общественного управленія губернаторъ обязалъ представлять высшему правительству въ мѣсячный срокъ, съ своимъ заключеніемъ; такъ слѣдовало поступить и въ настоящемъ случаѣ. Между тѣмъ, городскимъ головой получается бумага, изъ которой видно, что ходатайство думы, вмѣсто представленія на разсмотрѣніе высшаго правительства, предполагается передать на разсмотрѣніе губернаторскаго совѣта. Далѣе требуютъ отъ города разныя свѣдѣнія, въ сущности вовсе не идущія къ дѣлу, — на примѣръ, въ какихъ мѣстностяхъ города выстроено болѣе каменныхъ домовъ и въ какихъ — деревянныхъ, какимъ порядкомъ городъ выполнить возложенныя на него обязанности по воинскому строю и т. п. — и все это требуется доставить въ теченіе двухъ недѣль, тогда какъ на добросовѣстное собраніе этихъ свѣдѣній требуется два года. Въ заключеніе, отъ городского головы требуется его мнѣніе о ходатайствѣ думы, какъ будто представитель города можетъ имѣть какое нибудь личное мнѣніе по вопросу, въ которомъ уже высказался самъ городъ. А время всетаки идетъ, и городъ продолжаетъ крахтѣть подь тяжестью воинскаго постоя, а городская канцелярія — подь тяжестью подобныхъ запросовъ.

Омскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Судъ надъ докторомъ Путиловымъ идетъ своимъ чередомъ. Свидѣтелей не допрашиваютъ, самаго дѣла для необходимыхъ справокъ не даютъ, а также и никакихъ нужныхъ ему документовъ. Сегодня, на примѣръ, получена бумага изъ контрольной палаты о вычетѣ съ Путилова половиннаго содержанія, какъ съ подсудимаго. Между тѣмъ, Путиловъ не отстраненъ отъ своей должности и попрежнему исполняетъ свои обязанности. Главный врачъ Дидрихсъ восемь мѣсяцевъ былъ отстраненъ отъ своей должности, ничего не дѣлалъ и всетаки получалъ содержаніе главнаго врача полностью и контрольная палата не дѣлала начетовъ, а Путиловъ подь судомъ только съ 9 марта, а у контроля и начетъ готовъ. На дняхъ, на примѣръ, уѣхалъ будто бы въ отпускъ на четыре мѣсяца врачъ З. съ сохраненіемъ полнаго содержанія, даже содержанія инспектора акушерской школы, въ Восточную Сибирь; сдѣлано это свѣдома того же контрольнаго вѣдомства. Всѣ служебныя обязанности навалили на доктора Путилова, а жалованье будетъ получать З. Да З., конечно, черезъ четыре мѣсяца не вернется, а пробудетъ еще лишній мѣсяць или два „по болѣзни“ въ Восточной Сибири.

Теперь на судѣ обнаружилась прелестная вещь. Путиловъ преданъ суду за оскорбленіе „при исполненіи служебныхъ обязанностей“. Въ доказательство послѣдняго Дидрихсъ заявилъ, что въ тотъ день „было очередное медицинское совѣщаніе, свидѣтельствовали офицеровъ“. На самомъ же дѣлѣ очередное совѣщаніе на 27 ноября не приходится. Тогда онъ въ слѣдующемъ рапортѣ доноситъ, что „было экстренное совѣщаніе“. А приказа объ этомъ экстренномъ совѣщаніи нигдѣ нѣтъ. Тогда главный врачъ Дидрихсъ велѣлъ соста-

вить врачу свидѣтельство отъ 27 ноября для одного офицера. Врачъ З — состряпалъ. Подписали его главный врачъ и всѣ прочіе, кромѣ Путилова, который заявилъ, что подложнаго документа онъ не подпишетъ. Большинство врачей подписали, не читая, увидавъ подписи главнаго врача и секретаря. А въ свидѣтельствѣ было сказано, что 27 ноября свидѣтельствовали офицера Данилова въ присутствіи начальника госпиталя. На слѣдствіи всѣ врачи показали, что офицера Данилова 27 ноября не видали, не свидѣтельствовали, и начальника госпиталя не было. Г. Путиловъ заявилъ объ этомъ подлогѣ еще въ мартѣ 1883 года въ слѣдственную комиссію, но это въ „отзывѣ“ названо небрежностью. Главный врачъ Дидрихсъ въ доказательство того, что Данилова точно свидѣтельствовали 27 ноября, ссылается на записку въ книгѣ протоколовъ медицинскаго совѣщанія. Въ этой запискѣ сказано, что 27 ноября свидѣтельствовали Данилова, о чемъ и выдано ему свидѣтельство за № 648. А по справкѣ оказалось: по исходящему журналу за 1882 г., что № 648 приходится только на 10 декабря. Такъ какъ тутъ несомнѣнный подлогъ, снисходительно именуемый здѣшнимъ начальствомъ „небрежностью“, то докторъ Путиловъ подалъ рапортъ по начальству о преслѣдованіи Дидрихса за подлоги по службѣ. Все это однако называется на мѣстномъ юридическомъ языкѣ „небрежностью“, также названы его злоупотребленія и наживы по госпиталю; хороши „небрежности!“

Капаль (корресп. „Восточн. Обозр.“). Въ № 49 1883 года „Восточн. Обозр.“ уже была помѣщена замѣтка о положеніи солдата 3-го западно-сибирскаго линейнаго баталіона, употребляющаго все свое время на работу своимъ начальникамъ и лишеннаго возможности заявить объ этомъ на инспекторскомъ смотрѣ. Теперь изъ донесеній по начальству военнаго врача узнаемъ: что солдаты подолгу живутъ въ горахъ, гдѣ рубятъ и пилятъ дѣсь на гг. офицеровъ. На примѣръ, рядовой Хохряковъ жилъ въ горахъ 20 дней и посланъ былъ туда поручикомъ Бондиновымъ, на котораго онъ все время и работалъ, будучи въ тоже время больной перемежающейся лихорадкой. Рядовой Тереховъ 30 дней жилъ въ горахъ при такихъ же условіяхъ; о послѣднемъ заявилъ Костенкѣ старшій врачъ 1-го сибирскаго полка Василевскій; рядовой Дунаевъ жилъ на берегу рѣки Или и стерегъ частное имущество тоже дней 10—12 и тамъ же болѣлъ; рядовой Томиловъ (деньщикъ майора Каньшина) жилъ три дня въ горахъ и терпѣлъ голодъ.

Въ рапортѣ врача, вызвавшемъ разслѣдованіе, для котораго и пріѣзжалъ полковникъ Костенко, было писано, что „посылаемые въ горы люди терпятъ голодъ и холодъ“; въ мартѣ и апрѣлѣ въ горахъ конечно было еще очень холодно, жилища для нихъ тогда не было устроено никакого, потому уже построили избушку для работающихъ въ горахъ солдатъ. Нерѣдко киргизы кормили солдатъ изъ состраданія. Притомъ, Костенко не вызвалъ къ допросу нѣкоторыхъ свидѣтелей, выставленныхъ врачомъ, а свидѣтели эти, жившіе въ мартѣ и апрѣлѣ въ горахъ, дали бы важныя и вѣскія показанія. Кромѣ того, допросъ претензій нижнимъ чинамъ Костенко дѣлалъ въ присутствіи фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, чего, конечно, по закону не полагается. Слѣдуетъ замѣтить фактъ, что одинъ рядовой, работая баню дѣлопроизводителю Васильеву, получилъ на этой работѣ ушибъ въ ногу и ему тутъ же оторвало ноготь на большомъ пальцѣ лѣвой ноги. А другой рядовой, работая (строя домъ) командиру Попову, получилъ ушибъ въ голову съ раненіемъ мягкихъ покрововъ черепа. Были раненія (преимущественно порѣзанныя и колотыя раны) конечностей, пальцевъ руки и ноги. Однимъ словомъ, эксплуатація солдатскаго труда офицерами 3-го западно-сибирскаго линейнаго баталіона для ихъ, офицеровъ, личныхъ нуждъ

и потребностей сильно развита, твердо укоренилась и не прекращалась и до настоящего времени, да теперь тѣмъ болѣе они дѣйствуютъ смѣлѣе и нахальнѣе, потому что два раза по этому дѣлу было назначено разслѣдованіе и оба раза окончилось для нихъ благополучно, такъ какъ пріѣзжавшіе для слѣдствія ничего не наши.

Кромѣ того, есть свѣдѣнія, что положеніе солдатъ на Джаркентѣ и теперь не измѣнилось, попрежнему они работаютъ на своихъ офицеровъ точно крѣпостные. Плата 5—7 коп. въ сутки, а еще чаще совсѣмъ ничего не платятъ, командиръ же самъ часто платитъ 10—15 ягодъ уроковъ день. Вамъ, конечно, такая монета неизвѣстна, также какъ и мѣ. Приказъ также не измѣнилъ и не облегчилъ тяжелой участи солдатъ.

Колывань (корресп. „Восточн. Обозр.“). Въ первыхъ числахъ декабря прошлаго 1883 года прибыли къ намъ члены присутствія по воинской повинности. Для нихъ былъ нанятъ управой отдѣльный домъ у купца Кривцова за 25 руб. на 8 или болѣе дней, за одни стѣны и со столовой посудой, домъ низменный со ставнями, — и каждый вечеръ ставни были заперты, вѣроятно, чтобы глазъ простаго смертнаго не могъ проникать въ это жилище. Нынѣ Кривоцоковскій волостной писарь со старшиной ухитрились поставить въ жеребьевые списки къ призыву 19-лѣтнихъ. На основаніи какого правила это сдѣлано, неизвѣстно, такъ какъ въ рекрутскомъ уставѣ о призывѣ 19-ти лѣтнихъ ничего не сказано. Крестьянинъ деревни Кубовой Сѣдельниковъ 27 августа сего года подалъ прошеніе въ присутствіе по воинской повинности, съ приложеніемъ метрическаго удостовѣренія; воинское присутствіе, получивъ прошеніе и убѣдившись относительно возраста призываемаго изъ метрическаго удостовѣренія, не объявило Сѣдельникову, что сынъ его будетъ избавленъ отъ призыва, а прочихъ призываемыхъ, лишь запасшихся тоже метрическими удостовѣреніями и представившихъ таковыя въ присутствіе, а другихъ и безъ этихъ удостовѣреній не вызывали къ вынужтію жеребья; поэтому, пожалуй, можно подумать, что тутъ была задняя мысль писаря со старшиной. Но присутствіе, если оно не имѣло задней мысли, почему по разсмотрѣніи жеребьевыхъ списковъ и по поступившему прошенію не сдѣлало распоряженія объ отмѣнѣ не правильно поставленныхъ къ призыву съ объявленіемъ имъ объ этомъ; если этого не сдѣлано, то можно все думать, да главное то, что мужики понимаютъ хорошо, что отъ призыва избавиться нельзя, и ожидали своей участи: назначеннаго въ семействѣ работника не употребляли въ работы, готовили какъ рекрута, а сами семейства сколько испортили безпричинно крови и сколько перенесли въ это время страданій, и изъ-за чего же, изъ-за ухищренія Кривоцоковскаго писаря и старшины, а воинское присутствіе осталось глухимъ къ голосу страждущихъ. Присутствіе, убѣдившись во всемъ этомъ, должно было предать виновныхъ суду, съ удаленіемъ отъ должности и со взысканіемъ издержекъ, сдѣланныхъ крестьянами какъ на проѣздъ въ Колывань, такъ и на проживаніе и содержаніе. Но воинское присутствіе все это оставило безъ вниманія; это можетъ служить другимъ соблазномъ на будущее время, а бѣдные крестьяне несутъ насилье и уподобляются овцѣ, которую два раза стригутъ въ годъ, а она по окончаніи стрижки соскочить, отрехнется и постепенно опять обростаетъ. Къ подобнымъ фактамъ начальствующіе относятся совершенно хладнокровно; въ присутствіи по воинской повинности въ Колывани Чаусскій волостной писарь спросилъ Кривоцоковскаго волостнаго писаря: для чего вы это 19-лѣтнихъ назначили къ призыву? на что онъ ему отвѣтилъ, что всѣ они поставлены въ запасъ, въ какой запасъ—далѣе не пояснялъ.

Бійскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Нашему благодатному краю угрожаетъ страшное бѣдствіе: чума, опустошившая рогатый скотъ

въ Барнаулѣ и въ ближайшей къ нему части Кузнецкаго округа, быстро приближается къ Бійску, уже оставивъ свой разрушительный слѣдъ въ шестидесяти слишкомъ селеніяхъ Бійскаго округа. Прибывшій сюда изъ Томска ветеринаръ Венолоенскій рекомендуетъ за лучшее средство противъ развитія эпизоотіи убойку скота въ зараженныхъ мѣстахъ. Средство это у насъ едва ли не осложнитъ дѣло искорененія чумы; по крайней мѣрѣ, опыты его, предпринятые въ 70-хъ годахъ по настоянію бывшаго томскаго губернатора Супруненко, привели къ неожиданнымъ совершенно результатамъ: крестьяне, вѣря въ возможность иныхъ средствъ уничтоженія заразы, упорно отказывались отъ убойки даже ясно больнаго скота и, тайно прогоняя его въ мѣста, не задѣтыя эпизоотіей, въ напрасной надеждѣ на его выздоровленіе, еще болѣе распространяли заразу. Только умѣнье дѣйствовать на крестьянскую среду въ соединеніи съ неослабнымъ надзоромъ, по нашему мнѣнію, можетъ устранить повтореніе обратныхъ послѣдствій убойки скота, какъ средства противъ распространенія существующей эпизоотіи.

Вмѣстѣ съ чумой, въ качествѣ уже ожидаемой гостьи, посѣтила насъ дороговизна хлѣба. Послѣднія цѣны на пшеницу достигли уже до 80 коп. на пудъ (вмѣсто недавнихъ 30—35 коп.), а между тѣмъ мы не могли жаловаться на прошлогодній урожай. Правда, рано наступившіе холода испортили немало засѣянныхъ пшеницей полей, за то крестьяне вознаграждены были благоприятнымъ сборомъ другихъ плодовъ земледѣлія, и существующая теперь дороговизна просто объясняется развитіемъ оптовой скупки хлѣба. Въ каждый базарный день воза съ хлѣбомъ буквально загромождаютъ улицу предъ домомъ одного виноторговца Я—го и передъ амбарами С—а и К°, тогда какъ самый базаръ бываетъ пустъ. Замѣчательно, что наша городская управа, строгая по отношенію къ какому нибудь бѣдняку, который рѣшается купить болѣе установленнаго количества хлѣбныхъ продуктовъ до половины дня, къ скупу хлѣба Я—мъ и нѣкоторыми промышленниками совершенно равнодушна. Обезпеченные со стороны управы, эти господа въ своемъ благополучіи пошли еще далѣе: комиссіонерскія обязанности по скупу хлѣба выполняютъ для нихъ даже блюстители нравственности, изъ которыхъ главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе Чемровскій блюститель нравственности. Еще очень молодой человекъ, лишь недавно оставившій скамью семинаріи, онъ повидимому не вынесъ изъ нея самыхъ элементарныхъ „идеекъ“ добра и зла, существенно связанныхъ съ родомъ его служебнаго поприща. Впрочемъ, если изъ числа нашихъ блюстителей нравовъ находятся пособники въ дѣлѣ спаванія крестьянъ и не вызываютъ ограниченія и протеста, то отецъ—хлѣбопромышленникъ, по нашимъ понятіямъ и вкусамъ, явленіе еще сносное...

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА СИБИРСКАГО ЦАРСТВА

(археологическія находки М. С. Знаменскаго).

Мы не разъ упоминали о любопытныхъ раскопкахъ М. С. Знаменскаго близъ Тобольска на такъ называемомъ Кучумовомъ городищѣ, или Искерѣ, на мѣстѣ бывшей столицы Сибирскаго царства. Городокъ, или крѣпость эта давно была извѣстна тоболякамъ, они ѣздили туда на прогулки. Пассекъ и поэтъ Ершовъ посвящали краснорѣчивыя и вдохновенныя описанія этому древнему сибирскому памятнику. Къ сожалѣнію, никто не изучалъ и не обращалъ вниманія на настоящее научное изслѣдованіе развалинъ, такъ какъ сибирская археологія еще не нарождалась. Только въ послѣднее время одинъ изъ старожилонъ даровитый художникъ и писатель М. С. Знаменскій

началъ тщательно заниматься Искеромъ и собирать находки. Его изысканія дали уже богатый археологическій плодъ; составленная имъ коллекція года два назадъ отчасти приобрѣтена при посредствѣ М. К. Сидорова для будущаго сибирскаго университета. Нынѣ Г. Знаменскій прислалъ къ намъ прекрасный художественный альбомъ съ рисунками характерныхъ находокъ. Объ этомъ альбомѣ мы сдѣлали докладъ нынѣшней зимой въ „обществѣ любителей древней письменности и археологій въ Петербургѣ“. Самый альбомъ приобрѣтенъ нынѣ Иннокентіемъ Михайловичемъ Сибиряковымъ съ намѣреніемъ передать его также въ даръ будущему университету.

Мы считаемъ поэтому своевременнымъ опубликовать то, что намъ известно объ этихъ находкахъ и о положеніи самаго Искера изъ писемъ М. С. Знаменскаго. Ходъ этихъ работъ и находки должны возбудить любопытство археологовъ. Для всѣхъ интересующихся исторіей Сибири онѣ хотя отчасти могутъ дать матеріалъ и воскресить ту культуру, которую достигло царство сибирскихъ Тюрковъ на берегу Иртыша въ моментъ завоеванія его русскими.

„Два лѣта, проведенныя мною на Искерѣ (Кучумово городище тожъ), писалъ намъ г. Знаменскій, познакомили меня съ бытомъ когда то здѣсь жившаго человѣчества. Собранныя мною коллекція по числу велика. Новаго, что не было бы мнѣ известно изъ лѣтописей, хотя я ничего и не получилъ, за то ничего не оказалось такого, что и противорѣчило бы имъ.“

Холмъ Искера годъ отъ году исчезаетъ, подмываемый Иртышемъ, а потому и большая часть находокъ выкопана прямо съ берегу послѣ убыли воды. Находки идутъ по всему верху и низу горы. Въ логу особенно много попадаетъ кирпича, затѣмъ находятся глазированныя кусочки глины, масса углю, кузнечныя окалины, сплавы чугуна, глиняныя ковпачки для плавленія металла, формы для литья серегъ, пуговицъ и проч., обрѣзки кожи и другія принадлежности ремесла; все это говоритъ о присутствіи здѣсь трудового ремесленнаго класса. Круто поднявшись на холмъ, вы чувствуете себя среди древняго татарскаго мірка. Не встрѣчающіеся въ логу остатки деревянныхъ жилищъ здѣсь при раскопкахъ попадаютъ постоянно въ иструхшемъ и обгорѣломъ видѣ,—одно бревно уже нѣсколько лѣтъ торчитъ изъ земли надъ рѣкой. Здѣсь съ остатками глиняной посуды, находятся обломки китайскаго фарфора; изъ собранныхъ кусочковъ мнѣ удалось пока собрать и склеить дно и два края большой китайской четырехугольной вазы съ традиціоннымъ голубымъ рисункомъ. На берегу у этой возвышенности собрано болѣе всего женскихъ украшеній“.

Перечислю вамъ нѣкоторыя изъ находокъ.

А. По земледѣлію: 1) плугъ, 2) нѣсколько перержавѣвшихъ серповъ, 3) лопатка для очистки плуга.

Б. По ремесленной части: 1) два молотка, 2) обломки ножницъ, 3) два наперстка—одинъ мѣдный, очень хорошо сохранившійся, а потому и смущающій меня своимъ видомъ, другой грубый, литой изъ олова, 4) четыре свердила совершенно такой же формы, какія до сихъ поръ употребляютъ остяки и самоѣды, 5) три глиняныхъ ковпачка въ формѣ птичьихъ головъ для литья расплавленнаго металла въ формы, 6) три каменныхъ формы съ вырѣзанными на нихъ фигурами серегъ, пуговицъ и пр., 7) глиняная кубическая форма для литья пуль, 8) шилья.

Сплавы чугуна, мѣди и стекловидныя шлаки; опредѣлить составъ послѣднихъ было бы интересно въ томъ отношеніи, что

повидимому они подходятъ къ найденнымъ мною стекловиднымъ пестрымъ бусамъ, а эти послѣднія тождественны съ бусами, находимыми въ курганахъ около Тобольска. Въ такомъ случаѣ, если производство этихъ бусъ происходило здѣсь, то тобольскіе курганы своей древностію не отличаются.

В. Оружіе: 1) стрѣлы желѣзныя различныхъ типовъ и величины, нѣкоторыя отлично сохранившіяся, всѣхъ 68, изъ нихъ 2 литыя изъ чугуна, 2) стрѣлы костяныя, числомъ 9, 3) изъ остатковъ русскаго оружія найденъ разорванный стволъ (около казенной части) пищали, 4) свинцовыя пули, числомъ 6; одна изъ нихъ выкопана и найдена лежащей около головныхъ частей лоша. 5) Сюда же я причисляю мѣдныя пластинки, изъ которыхъ удалось мнѣ собрать часть шлема, и 6) колечки отъ кольчугъ. Крестьянинъ сосѣдней деревни говорилъ, что ему приходилось находить здѣсь большіе лоскутки кольчугъ, но что онъ ихъ побросалъ въ Иртышъ.

Г. Домашняя утварь: 1) два большихъ обломка ручныхъ жернововъ: одинъ отъ долгаго употребленія вытертъ до величины глубокой тарелки, 2) обломки чугунныхъ котловъ, 3) обломки глиняной посуды различной величины, формы и рисунковъ, 4) обломки посуды изъ фарфора, 5) обломки костяной съ узорами на ручкѣ ложки, 6) ножи разныхъ величинъ около 50, въ числѣ которыхъ есть хорошо сохранившіеся. 7) Мнѣ помнится, что я читалъ гдѣ-то, что археологи находятые глиняныя кружки съ отверстиями признали принадлежностію веретенъ; таковыхъ найдено мною 43 цѣльныхъ и много половинокъ, 8) нѣсколько огнивъ (5), 9) свѣтецъ для зажиганія лучинъ, 10) бруски съ просверленными на концахъ отверстиями, 11) замки, изъ нихъ только одинъ напоминаетъ современный внутренній замокъ, остальные всячіе, по формѣ и металлу китайскіе, 12) вѣсы китайскаго металла, хорошо сохранившіеся, величиною съ малые аптекарскіе, концы коромысла на шарньерахъ и складываются, 13) пара щипчиковъ: 1 мѣдныя и 1 желѣзные; у нѣкоторыхъ татаръ такіе имѣются и до сихъ поръ для выдергиванія волосъ, 14) двѣ ушколки: мѣдная и желѣзная.

Д. Принадлежности костюма: 1) подковки для сапогъ различнаго типа: 19 желѣзныхъ и одна съ узорами, литая бронзовая, 2) 2 бронзовыя привѣски типа, находимаго въ сибирскихъ курганахъ, 3) 49 бусъ разной величины и формы—боченочка, звѣздочки, лепешки и двѣ напоминающія даже пельменю, различнаго матеріала—стекловидныя, фарфоровыя, сердоликовыя и пр., 4) три сердоликовыя серьги, одна топазовая и одна серебряная, 5) небольшой серебряный медальонъ въ видѣ сердца; вставлявшаяся въ него крышечка имѣла на себѣ что-то въ родѣ эмали, но при легкомъ прикосновеніи она разсыпалась прахомъ, 6) серебряная съ чернью фигурка, 7) три лошадиныхъ зуба съ просверленными на корнѣ отверстиями, 8) два свинцовыхъ колечка нѣчто въ родѣ бродковъ, 9) небольшая золотая бляшка, 10) 4 бирюзы, бывшія въ оправѣ, 11) серебряная въ видѣ броши фигурка съ одной бирюзой и съ 8 мѣстами для камней, 12) четыре небольшихъ морскія раковинки, какія и теперь носятъ татарки, (каури, сурчеа moneta?) 13) къ этому особенно богатому и пестрому отдѣлу я причисляю 2 хорошо сохранившіяся серебряныя монетки, на одной сторонѣ которыхъ изображенъ Георгій, а на другой написаны слова: «князь Иванъ всея...» и мѣдную бляху со стержнемъ, на которой выбито хорошо сохранившееся изображеніе Георгія; 14) большая бляха изъ китайскаго металла съ изображеніемъ на ней сидящаго китайца-старика, за нимъ юноша держитъ что то въ родѣ свернутаго знамени или зонга.

Я не перечисляю многочисленныхъ остатковъ отъ сбруи, какъ-то: пряжки, удила, цѣпочки и проч., гвозди желѣзные, мѣдныя, мѣдныхъ пластинокъ и проч., и проч.

Много вещей, указать назначеніе которыхъ я пока не могу. Въ числѣ костяныхъ вещей есть одна непонятная для меня единственная, какъ мнѣ кажется, изъ слоновой кости, по крайней мѣрѣ, не изъ мамонтовой и не изъ скотской, какъ другія находки; равно необъяснимы для меня и косточки, на обѣихъ сторонахъ которыхъ находится какой то одинаковый рисунокъ. Не вернъ ли это, принесенная русскими въ Сибирь?*

*Теперь мнѣ кажется, что едва ли и самый искусный специалистъ могъ бы по толщѣ культурной почвы опредѣ-

лить давность присутствія здѣсь человѣка. Здѣсь столько строилось и перестраивалось, рылось и зарывалось разных племенъ. Пара обломковъ отъ каменныхъ полированныхъ орудій, найденныхъ мною на берегу, ничего еще не доказываетъ. Кости мамонта и окаменѣлое дерево (особенно хороши два экземпляра: одинъ со слѣдами топора, придавшего ему форму заостренного тына, и другой съ сучками) тоже для меня безмолвны. Отсутствие бронзоваго оружія пожалуй еще говорить кое что, но я изслѣдовалъ только одну четвертую часть этой мѣстности. Масса же желѣзныхъ вещей отличной выдѣлки доказываетъ только, что передъ Ермакомъ сидѣло здѣсь человѣчество съ выработанною культурой: земледѣльческой, промышленной и торговой. Плугъ, серпы, ножи и стрѣлы могли производиться въ здѣшнихъ кузницахъ: не даромъ же здѣсь такъ много кузнечной окалины и углей. Одна сосѣдка, старушка, говорила мнѣ, что прежде она ведрами брала здѣсь уголь и дѣлала запасъ для самовара на цѣлую зиму. Литыя мѣдныя вещи, находимыя здѣсь, мы считаемъ туземнымъ произведеніемъ; каменные формы и застывшія отъ плавки мѣдь, бронза и олово въ томъ намъ порукой. Стекловидные легкіе сплавы (если только будетъ доказано, что это стекло) тоже говорятъ, что и большинство дамскихъ пестрыхъ украшеній фабриковалось здѣсь же.

Затѣмъ бирюзу, топазъ, сердолики, моржанъ мы предоставляемъ доставлять Бухарѣ, а фарфоръ Китаю, что говорить намъ о правильныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Самая потребность въ маленькихъ вѣскахъ показываетъ уже извѣстную тонкость торговыхъ операцій.

Словомъ, мы видимъ, что столица Сибири была не только сосредоточеннымъ пребываніемъ властныхъ и воинственныхъ лицъ, но также средоточіемъ татарскихъ ремесленниковъ и купцовъ. Прежніе историки Сибири, вѣроятно, на основаніи того, что нѣкоторыя изъ женъ Кучума жили не съ нимъ, хотѣтъ представить Искеръ въ родѣ Запорожской сѣчи, но масса женскихъ украшеній, найденная мною, доказываетъ противное. Мнѣ возразятъ, что все это могло быть или имуществомъ русскихъ въ числѣ ихъ военной добычи, или же, что здѣсь была торговля ими; на это я могу возразить полусотнею глиняныхъ и каменныхъ кружковъ отъ веретенъ. Русскіе бы на нихъ не позарились, предметъ торговли тоже едва ли они могли бы составить. Суровой мужской сѣчей Искеръ сдѣлался при русскихъ. Существованіе обычныхъ человѣческихъ отношеній съ ихъ приходомъ исчезло. Затѣмъ ливую форму дамскихъ украшеній замѣнила простая глиняная форма для смертоносной пули. Да, съ приходомъ русскихъ Искеръ сталъ казармой, а съ приходомъ перваго воеводы и госпиталемъ, гдѣ голодающее человѣчество поѣдало товарищей.

Изъ эмблемъ трехъ вѣрованій языческаго, мухамеданскаго и христіанскаго найдены: перваго—китайская бляха, такъ какъ подобныя, привязанныя къ идолу взаимнѣ лица, встрѣчалъ я за Обдорскомъ у Остяковъ. Отъ втораго ничего; отъ христіанскаго—обломокъ мѣдной тисненой пластинки отъ русской иконной ризы и выше указанной бляхи Георгія (Московскій гербъ).

У меня составленъ акварельный альбомъ, заключающій въ себѣ рисунки съ бѣльшей части (болѣе 200) особенно характерныхъ находокъ, причѣмъ вещи представлены въ натуральную величину; есть также видъ мѣстности, планъ и карта.

Упомяну о пропущенныхъ мною въ спискѣ перстняхъ и кольцахъ, ихъ у меня 8 хорошо сохранившихся: одно громадное, литое изъ бѣлой бронзы, два съ камнями, два съ вырѣзкой, на одномъ просто узоръ, на другомъ тамга. Монетъ, вещей съ надписями нѣтъ; на обломкѣ ножики есть только изображеніе профиля, но можетъ быть это случайное; на черенкѣ изломанной ложки есть изображеніе, но до того грубое, что его можно принять за человѣка въ лодкѣ съ лукомъ и за птицу. Но такъ какъ на этомъ мѣстѣ были доисторическіе курганы, отчасти расхищенные, то я и отдѣляю нѣкоторыя вещи отъ времени Кучума; таковы кремневая стрѣлы, маленькіе горшечки, которые причисляю къ похороннымъ, такъ какъ находилъ ихъ въ курганахъ близъ скелетовъ. Черепки не находилъ нужнымъ собирать, потому что имѣю довольно много цѣлыхъ сосудовъ разныхъ типовъ. Мнѣ находокъ, но болѣе имѣющихъ значенія, далъ мнѣ курганъ, считавшійся уже копанымъ, но я убѣдился, что ямы на курганахъ не слѣды раскопокъ, а сгниваемаго деревяннаго свода, подъ которымъ устроивалось ложе покойника, что доказываютъ сохранившіеся куски дерева. Здѣсь покоилось двое съ двухъ сторонъ кургана, подъ острымъ угломъ, головами на сѣверовостокъ. Кто былъ одинъ изъ нихъ мужчина или женщина, не знаю—тазовой кости не было, другой остатокъ, богато обставленный, былъ, по всей вѣроятности, очень юнъ; въ сохранившейся челюсти зубы были, какъ увѣряетъ докторъ, молочные; кромѣ челюсти, сохранились часть руки, на которой находился мѣдный спиральный браслетъ, и часть черепа съ волосами подъ металлическомъ вѣнцомъ; къ рукавамъ кожаной одежды были пришиты на ремняхъ металлическіе медвѣди, около ушей серги, на шеѣ мѣдная гривна; кожаный поясъ былъ украшенъ мѣдными бляхами, но пряжка была сверху мѣди покрыта серебряной пластинкой, сдѣлавшейся очень хрупкой, а на ней изящная плетушка изъ золоченаго серебра съ 5 камнями; къ сожалѣнію, я не доглядѣлъ—рабочій коснулся рукой камней, и три изъ нихъ стерлись, какъ мягкій воскъ; остальные, окрѣпши на солнцѣ, представляютъ видъ опала. Затѣмъ, найдены два прекрасно полированныхъ круглыхъ металлическихъ зеркала—одно цѣльное, другое въ обложкѣ изящной работы, бронзовый топоръ, или наконечникъ оружія съ маленькими кусками сохранившагося въ немъ дерева и другой топоръ, или наконечникъ желѣзный самой грубой, первобытной работы, пряжки съ изображеніемъ людей и пряжка съ изображеніемъ человѣка, пожираемаго двумя звѣрями, изъ коихъ одинъ имѣетъ видъ какого-то звѣря, а другой представленъ въ видѣ змѣи. Погребальные горшечки послѣ осторожной промывки дали на днѣ слой тончайшаго войлока изъ волоконъ; по мнѣнію ботаника Сомье во Флоренці, въ этихъ горшечкахъ, вѣроятно, были листья какого либо растенія, потому что истлѣвая они опускались на дно, а горшечекъ въ тоже время наполнялся землей, и теперь остались въ видѣ гнѣзда жилки этихъ листьевъ“.

Во Флоренці печатается сочиненіе о Сибири С. Сомье; въ этой книгѣ между прочимъ упоминается и о раскопкахъ г. Знаменскаго на Искерѣ съ приложеніемъ нѣсколькихъ рисунковъ стрѣлъ; книга эта должна скоро появиться въ свѣтъ. Глава изъ этой книги была уже составлена М. С. Знаменскому. Она носитъ названіе:

„Fra' Basciri (capitolo di un libro inedito) di Stephen Somrer Estratto dall'Archivio per l'Antropologia e la Etnologia di Forenze volume XI“.

Такимъ образомъ сибирскія древности возбуждаютъ вниманіе и иностранцевъ. Будемъ надѣяться, что изученіе жизни древнихъ сибирскихъ инородческихъ племенъ и ихъ древностей въ Сибири отнынѣ привлечетъ вниманіе и образованныхъ сибиряковъ. Здѣсь предстоитъ воскресить цѣлый міръ исторической жизни, находившійся доселѣ въ забвеніи и исчезшій подъ бороздой новой жизни, пролагающей въ Сибири пути себѣ на смѣну древнихъ царствъ.

Н. Ядринцевъ.

СТРАНИЦА КЪ БЮГРАФИИ СИБИРСКАГО ИСТОРИКА.

Иванъ Васильевичъ Щегловъ, скончавшійся на дняхъ, былъ однимъ изъ серьезныхъ тружениковъ въ Сибири. Какъ извѣстно намъ, онъ 8 лѣтъ уже учительствовалъ въ Сибири: 4 года въ Енисейскѣ, 3 года въ Иркутскѣ и 1 годъ въ Троицкосавскѣ. Въ Иркутскѣ онъ читалъ лекціи, редактировалъ два года безвозмездно циркуляры „по учебному вѣдомству Восточной Сибири“, онъ мечталъ, какъ передавалъ намъ, даже преобразить это изданіе въ научный журналъ и сборникъ свѣдѣній для изученія края, но это не удалось. Затѣмъ онъ работалъ надъ хронологіей Сибири и задумывалъ цѣлый планъ написать исторію Сибири. И. В. Щегловъ цѣнилъ учебнымъ начальствомъ, все мыслящее, все просвѣщенное окружало его любовью, онъ сроднился съ честнымъ кружкомъ честныхъ работниковъ, былъ членомъ мѣстнаго отдѣла географическаго общества. Его понимали и цѣнили все образованные люди края. До какой степени его любили ученики, служить письмо, полученное имъ отъ этихъ учениковъ при отъѣздѣ изъ Иркутска. Продолжать свои ученые историческія работы онъ могъ только въ Иркутскѣ, гдѣ были бібліотеки. Это понимали все образованные люди. Къ сожалѣнію, одно обстоятельство, о которомъ мы сообщили въ свое время, разрушило надежды молодого ученаго и поставило его въ крайне затруднительное и драматическое положеніе. Въ Иркутскѣ не везло въ послѣднее время честнымъ людямъ.

Преданный интересамъ просвѣщенія и сочувствовавшій образованнымъ друзьямъ, историкъ, знавшій и цѣнившій всехъ, кто работалъ для этого просвѣщенія, И. В. Щегловъ осмѣлился предложить избрать членомъ въ общество пособія учащимся Восточной Сибири одного изъ маститыхъ педагоговъ и бывшаго секретаря отдѣла географическаго общества. Къ несчастію, это лицо было близко связано съ мѣстной печатью, которая нѣкоторыми цивилизаторами считается въ Сибири чумою. За эти симпатіи и пострадалъ Иванъ Васильевичъ. Онъ былъ призванъ для объясненія. При объясненіи главное учебное начальство не нашло никакого преступленія и проступка въ заявленіи И. В. Щеглова, но оно выразило опасеніе, что другое всемогущее лицо въ городѣ не такъ смотреть.

Странно, когда учебное начальство не находило ничего предосудительнаго за педагогомъ, защищало его и считало лучшимъ представителемъ, представляло его даже къ ордену, въ это время лицо, постороннее просвѣщенію, не обращая вниманія на специальное начальство, заявляло свою волю, притомъ не мотивируя ничѣмъ. Послѣ объясненій съ этимъ лицомъ Щегловъ снова позванъ былъ, и ему объявленъ былъ переводъ въ глухой городъ Троицкосавскъ. Это поразило его, какъ громомъ.

— За что же? спрашивалъ онъ. Ему отвѣтили: благода-

рите Бога, что не хуже. Чѣмъ это отразилось на бѣдномъ труженикѣ, вотъ доказательства изъ его письма къ намъ отъ 6 августа 1883 г. Оно объясняетъ, почему мы ранѣе писали объ этомъ странномъ фактѣ и считали долгомъ вступить за обиженнаго.

„Итакъ, я уже — въ Троицкосавскѣ. Свершилось великое А.: „убрать Щеглова изъ Иркутска!“ Той рече и быша, той повелѣ и создашася...

Печальна, крайне печальна для меня вышереченная оказія по многимъ обстоятельствамъ, и нанесшій этотъ ударъ чрезвычайно ловко рассчиталъ его, ибо онъ разомъ положилъ нѣсколько зайцевъ: 1) не смотря на то, что я, повидимому, перемѣщенъ на равную должность (какъ это странно звучитъ по отношенію къ педагогической дѣятельности!), но тѣмъ не менѣе въ матеріальномъ отношеніи я обрѣзанъ болѣе чѣмъ на половину (надо пояснить, что собственно штатное жалованье учителя гимназіи или реальнаго училища — 750 руб. въ годъ за 12 уроковъ, но обыкновенно каждый учитель получаетъ больше этой цифры, смотря по количеству даваемыхъ имъ уроковъ; въ Иркутскѣ въ одной лишь мужской гимназіи я имѣлъ 26 уроковъ, не считая другихъ заведеній, въ коихъ у меня было еще 4—5 уроковъ, причѣмъ отъ приглашеній на большее количество приходилось уже отказываться, такъ какъ и этого вполне достаточно; здѣсь же у меня — только 14 уроковъ; тамъ я былъ, сверхъ того, класснымъ наставникомъ и секретаремъ педагогическаго совѣта, здѣсь — нѣтъ). Но и не это главное, хотя для семейнаго человѣка, каковъ я, и это много значить, а главное заключается, разумеется, въ томъ, чтобы 2) лишить меня возможности заниматься учеными работами, — вотъ это-то и есть самое главное! Ясное дѣло, что для меня была большая возможность вести историческія изслѣдованія въ Иркутскѣ, какъ центрѣ, въ которомъ есть и отдѣлъ географическаго общества съ кое-какими книжонками и кое-какими людьми, съ которыми иногда можно было обмѣняться мыслями; въ которомъ есть кое-какая городская бібліотека, есть наконецъ редація газеты „Сибирь“, сгруппировавшая около себя наличную въ Иркутскѣ небольшую горсточку интеллигентныхъ сибиряковъ, въ средѣ которыхъ всегда можно было душу отвести, а иногда и нацаранать что нибудь для газеты. Вотъ лишить меня всего этого, оторвать отъ этой почвы, находясь на которой всего только три года, я уже собирался было глубоко пустить корни „въ томъ же духѣ и направленіи“, и имѣлъ въ виду А. и осуществилъ это...“

Считая поступокъ съ нимъ величайшей несправедливостью и безправіемъ, не зная за собою никакой вины, стѣсненный семейными обстоятельствами, въ интересахъ своего дорогаго дѣла, онъ рѣшился объясниться съ А. Вотъ буквальное объясненіе изъ письма покойнаго, котораго мы доселѣ не печатали.

„Я просилъ бы оставить меня по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мнѣ придется ѣхать съ маленькимъ ребенкомъ, который легко въ дорогѣ можетъ захворать.

— Ничего, въ Сибири вездѣ дороги хорошия, иронически отвѣтилъ онъ мнѣ, а за двѣ минуты передъ тѣмъ при мнѣ же онъ рассказывалъ какимъ то двумъ молодымъ фатамъ, что онъ получилъ письмо отъ дочери, что дорога ужасно плоха.

— Ну—съ, а еще что? спросилъ онъ далѣе.

— Еще, во-вторыхъ, въ случаѣ моего перевода, мнѣ придется отказаться отъ осуществленія своего ученаго труда...

Этотъ мотивъ я считалъ уже совсѣмъ неотразимымъ тѣмъ наипаче, что, какъ извѣстно, онъ и самъ когда то упражнялся... Но каково же было невыразимѣйшее мое изумленіе, когда на это онъ съ удареніемъ отвѣтилъ мнѣ:

— И отлично, что не осуществится!

Слова эти и по сію пору звенятъ въ моихъ ушахъ, и никогда я ихъ, разумѣется, не забуду. Эти слова такъ неожиданно обдали меня, что сказанныхъ имъ и еще нѣсколько словъ я уже не слышалъ, за исключеніемъ впрочемъ отрывочной фразы „и оставьте постороннія (!) дѣла“...

Съ этимъ я и вышелъ отъ него... стуманенный...

15 мая 1883 въ Иркутскѣ былъ подписанъ приказъ объ „убраніи“ меня...“

Къ этому письму было примѣчаніе: „Опасенія мои, къ сожалѣнію, сбылись. Ребенокъ именно въ дорогѣ захворалъ дисинтерією и, по пріѣздѣ сюда, увы, прежде чѣмъ начать свои уроки въ училищѣ, я долженъ былъ проводить ребенка въ вѣчную обитель, на непривѣтномъ Троицкосавскомъ кладбищѣ. Пришлось утѣшаться хоть тѣмъ, что довезъ его полуживымъ до Троицкосавска. Бѣдный ребенокъ, чѣмъ онъ былъ виновать! Чѣмъ можетъ быть вознаграждена такая потеря!“

А вслѣдъ за тѣмъ, черезъ годъ и самъ умеръ молодымъ человѣкомъ, не окончивъ задуманной ученой работы. Что же это значитъ! Вѣдь трудъ его былъ трудъ образованнаго человѣка, трудъ дорогой для Сибири. Самъ Щегловъ имѣлъ значеніе, какъ образованный педагогъ и ученый, не для одной Сибири, а для всей Россіи. Что же это за безпощадная судьба, что за безжалостный рокъ свершился надъ этою умственною силою? Вотъ о чемъ мы спросимъ надъ его могилой. Одно мы можемъ сказать, что собственно Сибирь была тутъ не причѣмъ, онъ любилъ ее какъ вторую родину, онъ имѣлъ друзей изъ образованныхъ сибиряковъ, которые ему сочувствовали и цѣнили его. Его жизнь запишется съ любовью на скорбныхъ листахъ исторіи возникновенія мысли и умственнаго труда въ Сибири, въ этой горькой странѣ, вмѣстѣ съ другими борящимися за правду честными людьми, не нашедшими пріюта и испытывающими горькія минуты въ своей родной странѣ.

КЪ НАБЛЮДЕНІЯМЪ НАДЪ ЧЕРНОЙ БАНДОЙ.

(Письмо въ редакцію).

По поводу напечатанной Вами въ № 21 статьи, посвященной черной бандѣ въ Сибири, съ выводами которой я хотя не вполне согласенъ, однако не могу не сообщить Вамъ картинки съ натуры.

Служа въ Иркутскѣ, я съ особымъ вниманіемъ слѣдилъ за разбиравшимся въ Петербургѣ процессомъ знаменитаго Л—ва, причѣмъ зналъ, что окончательнымъ приговоромъ суда Л—въ былъ направленъ на житье въ Енисейскую губернію.

Кто то изъ бывшихъ у полиціимейстера рассказалъ мнѣ, что онъ засталъ у него господина, только что пріѣхавшаго; слѣдовало описаніе примѣтъ, поидимому, важнаго лица, такъ какъ полиціимейстеръ принялъ его очень радушно, посадилъ, предложилъ сигару и поилъ его чаемъ. Черезъ нѣсколько дней

я встрѣтилъ на улицѣ катяшаго на лихомъ извозчикѣ новичка (главной примѣтой ихъ было ношеніе цилиндра) и по примѣтамъ догадался, что это тотъ самый новичекъ, о которомъ мнѣ рассказывали.

Въ одно прелестное утро,—надо замѣтить, что, по случаю какой то передѣлки въ квартирѣ, мнѣ пришлось перенести кабинетъ свой въ зало и письменный столъ расположить такъ, что, занимаясь, я сидѣлъ спиной къ входной двери, зала была довольно длинная, — раздался въ передней звонокъ, дверь открыли, затѣмъ, когда я всталъ изъ-за стола и обернулся... я усмотрѣлъ того самаго господина, о которомъ идетъ рѣчь. Щегольской, съ иголки, фракъ, бѣлыя галстухъ, бѣлыя перчатки, цилиндръ... Господинъ этотъ направляется ко мнѣ, расшаркивается и рекомендуетъ наилучшимъ образомъ.

Я, молъ, Л—въ.

Не сдѣлавъ шага навстрѣчу этому господину, я по какому то чутью задалъ ему прямо вопросъ.

— Какимъ образомъ вы попали сюда?... Вѣдь вы назначены...

— Въ Красноярскъ, хотѣли вы сказать... Да, но Михаилъ Семеновичъ... надо вамъ замѣтить, что Михаилъ Семеновичъ...

— Позвольте, кто такой Михаилъ Семеновичъ?

— Корсаковъ...

— Какое же вы имѣете право отзываться такъ фамилярно объ немъ? Для васъ... онъ генераль-губернаторъ...

— Да, извините...

— Что же вамъ угодно отъ меня?

— Я счелъ долгомъ представиться вамъ, чтобы засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ просить покровительства...

— Постарайтесь жить такъ, чтобы не нуждаться въ чьемъ бы то ни было покровительствѣ...

Этимъ я показала, что дальнѣйшая бесѣда совершенно излишня, и г. Л—въ поспѣшилъ удалиться, нѣсколько сконфуженный.

Черезъ какіе нибудь полчаса приходитъ ко мнѣ знакомый и рассказываетъ, что онъ былъ у одного еврея-коммерсанта, къ нему явился съ визитомъ тотъ же Л—въ и рассказалъ, что былъ у меня, что я принялъ его крайне любезно, обѣщалъ ему всевозможное содѣйствіе и т. д. Черезъ нѣсколько времени у этого купца Л—въ получилъ довольно хорошее мѣсто. Прошло года полтора. Корсакова не стало. Я производилъ ревизію иркутскаго городского полицейскаго управленія и, усмотрѣвъ массу дѣлъ стараго времени не только не рѣшенными, но даже не двинутыми, я исходатайствовалъ разрѣшеніе генераль-губернатора на образованіе какъ бы дополнительнаго присутствія въ управленіи, которое бы двинуло все эти дѣла. Въ мое распоряженіе былъ назначенъ довольно солидный кредитъ. По этому я былъ крайне озабоченъ присканіемъ надежныхъ чиновниковъ, въ особенности въ гражданскій столъ.

Прихожу къ генераль-губернатору съ докладомъ. Онъ объявляетъ, что пріискалъ для меня благонадежнаго чиновника...

— Фамиліи его не помню... такой высокій, красивый...

— Не Л—ва ли? спрашиваю я.

— Да, да...

— Но вѣдь онъ изъ сильныхъ...

— Что же? онъ сосланъ за какое то завѣщаніе... рассказывалъ мнѣ все, кается... Я ему и предложилъ поработать. Обѣщавъ послѣ выхлопотать ему...

— Но мнѣ нуженъ чиновникъ въ гражданскій столъ....

— Такъ что же... онъ такой способный, на всѣ руки.

— Вотъ въ этомъ то и бѣда. А что если изъ этихъ способныхъ рукъ черезъ непродолжительное время Иркутскъ наводнится фальшивыми векселями. Стоитъ только этой личности, о которой идетъ дѣло, посмотреть на чужой почеркъ, чтобы...

— Ахъ онъ, негодяй! Да я его выселю...

Назначеніе, конечно, не состоялось.

Считаю нелишнимъ добавить, что вполнѣдствіи тотъ же Л—въ оказалъ мнѣ немаловажную услугу, какъ свидѣтель изобличитель, при производствѣ мною одного важнаго и сложнаго слѣдствія... *).

В. Милютинъ.

*) Помѣщая настоящую замѣтку В. А. Милютинъ, мы должны сказать, что приводимая характеристика только подтверждаетъ наши наблюденія. Что эти господа являются иногда «изобличителями» или доносчиками на своихъ, когда не представляется выгоды дѣйствовать шайкой, это также черта, характеризующая ихъ нравственную сторону.

Гед.

СИБИРСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ.

Пѣсни дикаря.

Я чувствую въ груди моей накопившуюся силу поэзіи; сердце проситъ сладкихъ звуковъ, чудныхъ пѣсенъ; окружающая природа мнѣ шепчетъ и подсказываетъ ихъ, но я грубый дикарь и не создалъ еще искусства воспроизводить ихъ, у меня не вырывается гармоніи Моцарта и голосъ не можетъ подражать Патти. Я безсиленъ разразиться звуками.

Когда солнце, пронизывая лѣсъ, однако, ударить на мой балаганъ (шалашъ) и я вижу заходящее свѣтило, я безмолвно простираю руки къ нему, и съ устъ моихъ срывается невнятная молитва.

Сѣверная весна.

Хвойный лѣсъ стоитъ угрюмый, березы и тополи голые, лѣсъ представляетъ рѣдкій и печальный видъ. Холодно, снѣгъ еще не стаялъ, лишь кое-гдѣ видны стаявшія прогалинки, ручейки кинулись изъ-подъ снѣга и застыли. Суровая природа, повидимому, ничего не говоритъ, сердцу.

Но опытный глазъ замѣтитъ, что и здѣсь подъ холоднымъ и суровымъ покровомъ совершается нѣчто,—ростутъ зидительныя силы, почки наливаются, пихты и кедры проснулись, зимній сезонъ кончился, сокъ переливается по вѣтвямъ и стволамъ. Незамѣтно выбивается травка, верба запушилась. По вѣшности никто не замѣтитъ переменъ. Это не пышная весна юга, гдѣ все разомъ окуталось зеленью и благоухало, но это тихое пробужденіе жизни, это робкое дыханіе сибирской весны меня охватываетъ трепетомъ и говоритъ болѣе моему сердцу. Вѣдь эта безконечная тайга, и лѣсъ могучій, и горы исполины—все что я считалъ мертвымъ—также заговорятъ, задышутъ своими сурово-могучими силами.

Майская пѣснь (подраженіе Гёте *).

Опять весна!.. Кто не любитъ ея милыхъ возвратовъ? (Tage der Wonne, kommt ihr so bald?). Солнце печетъ (wie glänzt die Sonne!) и съ крышъ каплетъ. На улицахъ развезло и въ воздухѣ запахло навозомъ (im Blüthendampfe die volle Welt). На убитой дорогѣ за поскоотиной оттаялъ чарокъ, брошенный бродягой во время зимы; около избъ сорныя кучи стали подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей освобождать изъ своего льда своихъ зимнихъ заточенниковъ: головешки, выбро-

шенные непрогорѣлыми изъ печей, черенки разсѣвагося отъ загадочной причины горшка, изломанную крашенную ложку. Въ логахъ выбѣгаютъ цвѣты за цвѣтами; тысячи птичьихъ голосовъ несутся изъ кустарниковъ и крики радости и счастья изъ каждой груди (und Freud' und Wonne aus jeder Brust). И у исправника въ зобу сперло и лицо побагровѣло отъ радости. Чѣмъ дружище весна, чѣмъ веселѣе бѣжали ручьи, чѣмъ больше дурѣли лога, тѣмъ больше порчи на дорогахъ—мосты снесены, перила свалились, по полотну дороги ручей сдѣлалъ чертороину, а на концѣ ея, въ заключеніе, насадилъ кучу камней. Мужику Богъ прибавилъ работы, а исправнику доходу. Но вотъ безчинства весны уничтожены и при этомъ немало добра заплыло въ широкіе карманы надзирателей (goldene Fische wimmeln im See).

Сибирскій богатырь.

Всезнающіе совѣтники говорятъ своему сибирскому хану: есть глухая тайга, въ той тайгѣ водится чудный звѣрь, нѣтъ мѣха красивѣе, пушистѣе и теплѣе, какъ у этого звѣря изъ него бы только шить шубы для хана и одѣяла для ханши.

Ханъ велитъ своему богатырю добыть чудную шкуру, и вотъ сибирскій богатырь ѣдетъ доставать неизвѣстнаго звѣря. Онъ тридцать три года ѣдетъ, отоцалъ и исхудалъ: однѣ кости да кожа остались. Но онъ не хочетъ вернуться, не исполнивъ ханскаго приказа; онъ продолжаетъ ѣхать дальше и вдругъ слышитъ—что то стучитъ сзади. Онъ оглянулся, а это его собственныя высохшія кости стучать.

Всезнающіе ханскіе совѣтники рассказываютъ сибирскому хану, что есть тайга и въ той тайгѣ глубоко въ почвѣ зарытъ драгоценный металл; нѣтъ другаго металла болѣе красиваго, блестящаго и болѣе прочнаго; вотъ бы тебѣ, говорятъ они, изъ этого металла отлить шарикъ на шапку, а женѣ твоей браслеты.

Ханъ велитъ своему богатырю добыть чудный подземный металл, и вотъ сибирскій богатырь снова ѣдетъ въ неизвѣстную даль. Онъ тридцать три года ѣдетъ, отоцалъ и исхудалъ: однѣ кости да кожа остались. Но не хочетъ вернуться, не исполнивъ ханскаго приказа; онъ продолжаетъ ѣхать дальше и вдругъ слышитъ—что то стучитъ сзади. Онъ оглянулся, а это его собственныя высохшія кости стучать.

*) «Mailed» и «Frühzeitiger Frühling».

Заброшенный родной домъ.

Въ поляхъ ворота видѣнь дворъ, заросшій крапивой, про-
свирнякомъ и конотопкой; дорожекъ, которыя были когда то
протоптаны черезъ дворъ къ амбарамъ, конюшнѣ, къ банѣ и
другимъ службамъ, не осталось и слѣда. Окна въ кухнѣ безъ
ставень и рамъ, и въ нихъ видна развалившаяся печь. Въ
главномъ зданіи окна заколочены и вмѣсто яркаго солнеч-
наго освѣщенія въ комнатѣ господствуетъ полумракъ. Затхло
и тихо. Жизнь сказывается только присутствіемъ пауковъ,
летучихъ мышей и гадовъ, не любящихъ свѣта.

А какъ прежде было тутъ весело! Здѣсь, когда мы были
еще дѣтьми, мы играли въ жмурки, а тутъ молодые дѣвѣцы
съ молодыми людьми устраивали игры въ фанты! Въ этой
маленькой и уютной тогда комнатѣ составлялась партія въ
вистъ изъ судьи, предсѣдателя казенной палаты, доктора и
городничаго.

Теперь нашъ домъ пустъ и унылъ, точно были въ немъ
воры и унесли все. Кто же опустошилъ это жилище, кто
расхитилъ его богатство? Не знаю.

Въ домѣ мрачно и холодно, а бывшіе его посѣтители,
игравшіе въ вистъ, и теперь еще живутъ въ томъ же городѣ,
какъ живые портреты стараго времени, и попрежнему соби-
раются для игры. Вотъ онъ, господинъ судья, точно скелетъ,
обшитый сукномъ. Вотъ и предсѣдатель казенной палаты съ
карикатурнымъ брюшкомъ и красной лентой на шеѣ —
единственная краска, выступившая на немъ за всю его дол-
гую жизнь, и то не на лицѣ. Вотъ и городничій торчма
торчитъ. Ахъ, доколѣ онъ будетъ торчать?

Два дерева.

Я видѣлъ въ Крыму платанъ. У этого роскошнаго дерева
вѣтви спускались такъ низко, что нужно было сгибаться,
чтобы пройти подъ ихъ своды. Но когда я нашель съ одной
стороны отверстіе, гдѣ можно было войти, не сгибаясь, и очу-
тился подъ деревомъ, какое веселое чувство охватило меня.
Точно я стоялъ въ храмѣ съ зеленымъ прозрачнымъ купо-
ломъ; все было превосходно: и рисунокъ листьевъ, и свѣтъ,
какъ будто пропущенный чрезъ кристаллъ берилла, но, лучше
всего — высокій сводъ. Сколько простору надъ головой. Такъ
и хотѣлось бы тутъ спѣть гимнъ свободѣ.

Припомнилось мнѣ другое дерево — ель на рѣкѣ Китатѣ
въ томской тайгѣ. Это было въ другомъ родѣ. Вмѣсто свода
плоскій потолокъ, но всетаки на такой высотѣ, что пламя
отъ большаго костра изъ трехъ колодъ не опаляло нижнихъ
вѣтвей, хвоя была такъ густа, что самый крупный дождь не
доходилъ ввизъ до путниковъ, расположившихся на ночлегъ
подъ гостепривной елю; этотъ естественный шатеръ былъ
такъ просторенъ, что въ немъ могла спастись отъ бурана
цѣлая партія людей вмѣстѣ съ ихъ лошадьми, какой это
былъ царственный шатеръ. Съ боковъ онъ былъ обставленъ
молодымъ густымъ ельникомъ, такъ что никакой боковой
вѣтеръ не заглядывалъ подъ эту кровлю; входъ въ это убѣ-
жище находился только съ одной стороны. Не одна компа-
нія золотоприскателей или звѣровщиковъ ночевала здѣсь,
оставивъ на память о себѣ чумички (берестяныя ложки), вот-
кнутыя между вѣтвями.

Штиль на морѣ.

Море какъ въ чашѣ стоит! Цловець ныряетъ въ мор-
скую пучину и возвращается отуда съ кораллами, жемчугомъ

и другими морскими сокровищами*). А море какъ въ чашѣ
стоит!

Торопливо гребетъ контрабандистъ, онъ увозитъ тайкомъ
драгоценности, похищенные у законнаго ихъ обладателя **). А
море какъ въ чашѣ стоит!

Пиратъ рѣжетъ весломъ гладкую поверхность моря ***);
невинная жертва уже намѣчена и скоро падетъ со стономъ
безъ отмщенія. А море какъ въ чашѣ стоит!

Когда же задуетъ погода, нахмурится небо, грянетъ громъ,
когда забичуетъ молнія, и волны, какъ горы, пойдутъ на
тѣхъ, которые смѣялись надъ ними, думая, что онѣ присуж-
дены на вѣчную бѣмоту и неподвижность. А море какъ въ
чашѣ стоит!

Петербургское небо.

Цѣлый мѣсяцъ, какъ не видать солнца. Сплошное сѣрое
облако обложило все небо и нависло надъ петербургскими
домами такъ низко, что трубочистъ на крышѣ пригибаетъ
шею, какъ это дѣлаютъ, когда входятъ въ сибирскую звѣро-
промышленную избушку. Въ три часа вечера на нашей улицѣ
уже зажигается огонь — прежде всего въ табачной лавочкѣ.
Постепенно огни поднимаются выше и доходятъ до верхнихъ
этажей. Лампы на окнахъ, какъ солнца, а настоящее солнце
закрывается вѣчно грязнымъ облакомъ.

А тамъ, надъ Томью, въ это время другое небо — высокое,
открытое, чистое!

Веревочная лѣстница.

Когда я смотрю на красавицу сестру мою и ея подругу,
странныя и грустныя мысли приходятъ мнѣ въ голову.

Я чувствую, какъ онѣ молоды, хороши, какъ сильна въ
нихъ потребность жизни, знанія, любви и красоты. А я
дикарь передъ ними и уродъ, мои знанія слабы, моя конфуз-
ливая рѣчь не льется при нихъ, я молчу какъ глупецъ, хотя
сердце многое хочетъ имъ высказать. У меня нѣтъ манеръ,
когда онѣ, красивыя, любятъ все эстетическое и красивое. У
меня только хватаетъ выростить ихъ и отправить учиться на
далскій Западъ. Знаю, потеряю ихъ навсегда, не буду ни-
когда слышать ихъ звонкаго смѣха. Точь въ точь у меня
въ карманѣ шелковая лѣстница для того, чтобы спустить ихъ
изъ окна къ чужимъ женихамъ.

Веселитесь, плутовки, еще минуточку, говорю я и докан-
чиваю про себя: скоро, скоро я выну шелковую лѣстницу изъ
кармана.

Сибирскіе цвѣты.

У стараго садовника былъ любимый цвѣтникъ, съ какою
заботою онъ посѣщалъ его и съ какою любовью и гордостью
смотрѣлъ на молодыя поросли. Прехорошенькій садикъ раз-
ростется, думалъ онъ.

Была весна, распустились сибирскія лиліи, рододендроны,
сибирскія розы, колокольчики, фіалки. Сердце садовника ра-
довалось. Вѣдь это наши цвѣты, какой букетъ изъ нихъ бу-
детъ, думалъ онъ.

Но вотъ среди лѣта онъ замѣчаетъ, что цвѣты стали
пропадать, онъ не досчитывается то одного, то другаго цвѣтка.
Цвѣты куда-то исчезали.

*) Точно завѣзкій торговецъ въ Сибирь.

***) Какъ золотопромышленникъ-абсентеистъ.

***) Точно хищникъ-цивилизаторъ.

Они были похищены и пересажены въ другую оранжерею, правда, оранжерею роскошную. Тамъ свѣшивались надъ ними пальмы и бананы, рядомъ въ мраморномъ бассейнѣ цвѣла victoria regia, красивые сибирскіе цвѣты, конечно, потускнѣли предъ этимъ великолѣпіемъ, но исполнились гордостью, что и они въ средѣ экзотическихъ растений, упоенные тепломъ и ароматомъ забыли и думать о скромномъ цвѣтничкѣ и его воздухѣ.

Среди блеска и шума въ освѣщенныхъ залахъ эти цвѣты, связанные въ букеты, блистали на мгновение и увядали то на груди артиста, то у ногъ камеліи. И въ то время, когда въ залахъ великосвѣтскихъ домовъ совершалась эта драма, на старомъ мѣстѣ, въ цвѣтничкѣ, представлялась другая сцена.

Наступала осень. Сѣдой одинокій садовникъ сидѣлъ въ пустомъ цвѣтничкѣ. Онъ смотрѣлъ только на одну скромную фіалку, оставшуюся отъ всѣхъ цвѣтовъ его. Шоль снѣгъ. Холодомъ и безнадежностью вѣяло кругомъ. Смерть была въ природѣ, смерть въ груди старика.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— По окончаніи дѣла, Крашевскаго отправили въ Магдебургъ. Передъ отъѣздомъ изъ Лейпцига отцу позволили видѣться съ сыномъ Францемъ. Свиданіе произошло безъ свидѣтелей. Съ Франца Крашевскаго было взято слово, что онъ не передастъ отцу ни денегъ, ни писемъ, ни газетъ. Сопровождать отца сыну было также разрѣшено, но имъ воспрещено было сидѣть въ одномъ вагонѣ. Комната въ самой крѣпости Магдебурга была уже приготовлена, когда старикъ прибылъ въ мѣсто заключенія. Комендантъ крѣпости объявилъ узнику, что переписка его будетъ прочитываться. Въ уваженіе къ старческимъ лѣтамъ Крашевскому будетъ дозволено прогуливаться. Въ Магдебургѣ поселится одно лицо, которое будетъ ухаживать за старикомъ и которому разрѣшено посѣщать арестованнаго во всякое время. Австрійская палата депутатовъ передъ своимъ распусценіемъ приступила къ избранію австрійской делегаціи. Выборы дали правительственное большинство. Централистская оппозиція приобрѣла лишь 16 мѣствъ. Делегаты соберутся въ октябрѣ.

— Египетское правительство сосредоточиваетъ военныя силы въ Суакимѣ, куда подступилъ Османъ-Дигма. Дѣйствія инсургентовъ не рѣшительны. У Османа-Дигмы, по слухамъ, около Суакама всего до тысячи человекъ, главныя же его силы сосредоточены у Таманиэба. Въ Суакимѣ однако же слышится перестрѣлка. Переговоры о союзѣ съ Абиссиніей окончились неудачно. Англійскіе офицеры видѣлись съ сыномъ короля Юанна, который отъ имени отца не согласился на предлагаемыя условія обратитъ городъ Массову въ порто-франко. Король желаетъ приобщить этотъ городъ къ своимъ владѣніямъ и, кромѣ того, возвратитъ земли по берегу Краснаго моря, захваченныя Египтомъ. Вслѣдствіе неудачныхъ предложеній со стороны англичанъ король отказалъ какъ въ отправкѣ своихъ войскъ на выручку суданскихъ гарнизоновъ, такъ и въ проходѣ англійскихъ войскъ чрезъ абиссинскую территорію. Англичане обвиняютъ въ неудачѣ ловко придуманной миссіи италіанскаго консула въ Массовѣ, который будто бы возстановилъ народъ противъ англичанъ, а короля предупредилъ письмомъ.

— Въ Германіи повидимому не особенно обращали вниманіе на успѣхи англичанъ и французовъ въ колоніальной политикѣ. Канцлеръ какъ бы сквозь пальцы смотрѣлъ на эти успѣхи и выжидалъ чего то. Въ настоящее время и Германія сочла необходимымъ выступить на новый путь, по

крайней мѣрѣ, нѣмецкія газеты начинаютъ вопить о необходимости поддерживать германскіе торговые интересы на Востокѣ, интересы, начинающіе страдать отъ усиленія вліянія другихъ странъ въ Азіи и въ Африкѣ. Въ дипломатическихъ сферахъ трактуютъ, что германское правительство должно принять энергическія мѣры къ защитѣ чести и выгодъ Германіи. Среди такихъ толковъ весьма характерно выступаетъ телеграмма Бисмарка къ германскому консулу въ Капштадтѣ, которою канцлеръ уполномочиваетъ консула заявить англійскимъ властямъ, что сдѣланныя Германіею, въ лицѣ г. Людерца, приобрѣтенія земли, лежащей по берегу Оранжевой рѣки, Ангра-Пеквенъ находятся подъ покровительствомъ Германіи. За этою телеграммою появились газетныя извѣстія о томъ, что въ скоромъ времени къ Ангра-Пеквену будетъ отправлена экспедиція подъ предводительствомъ Зигмунда Израэля. Цѣль экспедиціи составляетъ тайну, которая однако же сквозитъ въ тѣхъ же статьяхъ, трактующихъ о томъ, что документовъ на приобрѣтеніе земли не имѣется и что слѣдуетъ приобрѣтеніе упрочить за собою. Экспедиція эта пробудетъ въ юго-западной Африкѣ нѣсколько лѣтъ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— На дняхъ окончательно разрѣшенъ вопросъ объ устройствѣ управленія островомъ Сахалиномъ, причемъ ко введенію настоящаго преобразованія будетъ приступлено немедленно. Въ свое время сообщено было вкратцѣ о предстоящей реформѣ каторги на этомъ отдаленномъ островѣ; нынѣ же „Новое Время“ дополняетъ: на Сахалинѣ рѣшено сосредоточить половину всего числа осужденныхъ на каторжныя работы, что составитъ около пяти тысячъ человекъ. Островъ будетъ раздѣленъ на три административныя округа: 1) Александровскій, въ который войдутъ тюрьмы, вмѣстимостью на 2,000 каторжныхъ: Дуйская, Александровская, Жонкьерская, Корсаковскій выселокъ и поселенія Верхнее урочище и Ведерниковское; 2) Тымовскій, съ тюрьмами: Рыковской, Мало-Тымовской и Дербинской, также на 2,000 человекъ и наконецъ 3) Корсаковскій, съ тюрьмой того же наименованія на 1,000 каторжныхъ. Всѣ эти тюрьмы будутъ носить характеръ скорѣе пенитенціарныхъ поселеній, чѣмъ тюремъ, такъ какъ каторжныя будутъ заключены въ нихъ не безъ дѣла, какъ на примѣръ, въ каторжныхъ тюрьмахъ Европейской Россіи, а будутъ все время заняты колонизаторскою дѣятельностью, какъ-то вырубкою лѣса, расчисткою полей, устройствомъ дорогъ, мостовъ и пристаней, сооруженіемъ разныхъ строеній, полевыми работами и т. п. Во главѣ острова будетъ стоять начальникъ съ правами военнаго губернатора, при которомъ будетъ находиться особая канцелярія, и сверхъ того врачевный инспекторъ, инспекторъ сельскаго хозяйства инженеръ-архитекторъ, землемѣръ и товарищъ прокурора. Что касается каторжныхъ, оканчивающихъ сроки каторги, то они будутъ поселены исключительно на островѣ и расселяться по округамъ, въ которыхъ уже намѣчены мѣста для будущихъ поселеній.

— Дѣло подполковника Мироновича, обвиняемаго въ убійствѣ Сарры Беккеръ, по словамъ „Новаго Времени“, снова запутывается. Надняхъ рѣшено опять перевести г жу Семенову, принявшую виновность въ убійствѣ на себя и заподозрѣнную въ ненормальности душевнаго состоянія, изъ больницы, въ которой она находилась на испытаніи, въ домъ предварительнаго заключенія. Изъ этого слѣдуетъ, что она признана врачами-психіатрами совершенно здоровою.

— Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ читаемъ слѣдующее извѣстіе: „Въ виду предстоящаго раздѣленія Восточной Сибири на два отдѣльныя генераль-губернаторства, При-амурское и Иркутское, возбужденъ вопросъ объ упраздненіи существующаго въ Иркутскѣ совѣта главнаго управленія по дѣламъ Восточной Сибири“.

— По сообщенію газеты „Рус. Вѣд.“, въ очередной майской книжкѣ журнала „Русская мысль“ должна появиться статья г. Л. Н. Толстаго по поводу переноса гор. Москвы въ 1882 году.

— Министръ государственныхъ имуществъ, по словамъ „Межеваго Вѣстника“, донесъ правительствующему сенату, что во исполненіе Высочайше утвержденнаго 20 декабря 1883 года мѣрнія государственнаго совѣта вновь образованное управленіе государственными имуществами въ Западной Сибири открыло свои дѣйствія 1 марта 1884 года.

— Въ засѣданіе соединенныхъ отдѣленій физической и математической географіи предсѣдателемъ Р. Э. Ленцемъ было доложено, какъ сообщаетъ „Межевой Вѣстникъ“, что въ общество поступили двѣ рукописи: одна горнаго инженера А. М. Крышина, въ которой авторъ излагаетъ свой взглядъ на образованіе сухихъ руслъ Аму-Дарьи. Основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ, онъ высказываетъ мнѣніе, что рѣка Аму-Дарья никогда не текла въ Каспійское море, тѣ же углубленія, которыя нынѣ считаются за старое русло Аму-Дарьи, образовались частію дождевою водою, частію моремъ; другая рукопись отъ члена-сотрудника Э. А. Регеля, содержащая много картъ, относящихся къ его путешествію по Средней Азіи.

— Докторъ І. Пализа въ Вѣнѣ открылъ вторую маленькую планету, но первую въ текущемъ году. Названа она Гоноріей. Когда онъ открылъ эту планету, она блескомъ своимъ равнялась звѣздамъ двѣнадцатой величины. Это уже сорокъ первое астрономическое открытіе Др. Пализа.

— По телегр. Сѣв. тел. Агентства изъ Ташкента, отъ 21 мая: „Появившаяся въ тринадцати волостяхъ Кураминскаго уѣзда саранча уничтожена; она двигалась сплошною массой, занимавшею 15 верстъ въ длину и 7 верстъ въ ширину. Для уничтоженія саранчи вызваны были 20.000 рабочихъ туземцевъ изъ Кураминскаго уѣзда и 600 человекъ изъ Ташкента. Работами руководили уѣздный начальникъ и офицеры.

— Ташкентъ, 23 мая. На правомъ берегу Аму-Дарьи, близъ бухарской крѣпости Устыкъ, на прямомъ пути изъ Бухары въ Мервъ, устраивается торговая факторія“.

— Иркутскія губернскія вѣдомости“ сообщаютъ объ открытіи и завѣскѣ двадцати пяти новыхъ золотыхъ приисковъ въ разныхъ мѣстахъ Восточной Сибири.

— 28 го апрѣля въ военно-окружномъ судѣ началось дѣло интендантовъ Стратановича и Табуре, участвовавшихъ въ процессѣ Россицкаго. Обвинительный актъ подводитъ подсудимыхъ подъ отвѣтственность за служебные подлоги.

— Газета „Владивостокъ“ сообщаетъ, что добыча соболя въ Камчаткѣ постоянно уменьшается. Еще недавно она доходила до 5,000 штукъ; въ 1879 году добывалось уже только 3,000; въ 1880 году—2,821; въ 1881 году—2,300, а въ 1882 году не было надежды и на это количество. То же самое и относительно лисицъ. Камчатскіе соболи очень хороши и по цвѣту немногимъ уступаютъ удскимъ, а по пушистости и длинѣ волоса считаются первыми.

— По словамъ „Правительств. Вѣстн.“, въ Якутской области на двухъ системахъ золотыхъ приисковъ: витимской и олекминской, расположенныхъ по теченію рѣчекъ того же имени въ 1881—82 года промыто песку на обѣихъ площадяхъ 88.869.320 пуд. при среднемъ содержаніи золота на 1-й системѣ 2 зол. 13³/₄ доли, а на 2-й—5 зол. 6 долей, въ 100 пуд. песку. Всего добыто золота на олекминской системѣ 310 пуд. 14 фунт. 70 золот. и 51 дол. и на витимской 439 пуд. 5 фунт. 82 золот. и 54 доли. Всего 749 пуд. 20 фунт. 57 золот. и 9 долей. На тѣхъ же приискахъ въ 1880 году добыто было 950 п. Мѣстныя условія не благоприятствуютъ развитію золотопромышленности, промывка идетъ только въ теченіе 3 мѣсяцевъ, прииски очень удалены отъ центровъ, гдѣ закупаютъ припасы, дальній провозъ значительно увеличиваетъ издержки. Велѣдствіе всего этого бѣдныя прииски совсѣмъ не разрабатываются. Считаютъ, что открытыми работами нельзя разрабатывать пески съ содер-

жаніемъ менѣе 1 пуда въ 100 пудовъ, а при шахтовыхъ работахъ менѣе 2¹/₂ золот.

— Газета „Новости“ сообщаетъ, что въ скоромъ времени въ С.-Петербургѣ будутъ производиться публичные опыты примѣненія азбестовой краски для приданія огнеупорнаго свойства деревяннымъ постройкамъ. Эти опыты покажутъ, на сколько препараты азбеста (горнаго льна) могутъ быть примѣнены для предупрежденія пожаровъ въ театрахъ, балаганахъ и пр. Англійское общество, руководящее этими опытами, намѣревается пустить эту краску въ продажу для покрыванія ею деревянныхъ строеній въ городахъ и деревняхъ. Къ сожалѣнію, эти краски слишкомъ дороги и поэтому нельзя рассчитывать на большое ихъ распространеніе. При этомъ газета обращаетъ вниманіе нашихъ техниковъ на то обстоятельство, что въ Пермской губерніи, близъ Невьянска, и въ другихъ мѣстностяхъ на Уралѣ азбестъ образуетъ цѣлыя горы и залегаютъ огромными глыбами между рѣками Черною и Каменкой. Разработкой этого природнаго богатства можно было бы основать новую отрасль промышленности, такъ какъ азбестовые препараты уже теперь находятъ себѣ широкое примѣненіе въ техникѣ.

— Телеграмма изъ Нерчинска отъ 26-го мая извѣщаетъ: „Благодаря энергіи слѣдователя Осташкина, назначеннаго генералъ-губернаторомъ на смѣну второй комиссіи, производившей разслѣдованіе о пожарѣ зданія военнаго отдѣла, истребившемъ документы воинскаго присутствія, фактъ поджога установленъ окончательно и уничтоженное пожаромъ дѣло о злоупотребленіяхъ воинскаго присутствія восстанавливается въ прежнемъ значеніи. Обвиняемые: капитанъ Первухинъ и еврей Гавриловичъ подвергнуты вновь заключенію въ тюрьмѣ“.

Обнаружены также злоумышленія въ ратушѣ по маклерской части. Слѣдователь Михайловъ постановилъ заключить въ тюрьму секретаря ратуши и завѣдывающаго маклерскою частью.

— Изъ Ирбита въ „Казан. Бир. Лис.“ пишутъ: „съ 22 апрѣля погода перемѣнилась къ лучшему; вода въ рѣкѣ Ницѣ прибываетъ, но сравнительно съ предыдущими годами такъ тихо, что дуга остаются не залитыми; это обстоятельство сильно тревожитъ жителей; такъ наши травы едва ли могутъ быть хорошими, да и на урожай хлѣбовъ отсутствіе воды должно повліять вредно. Пароходовладѣльцы также озабочены мелководіемъ. Хотя у нихъ товаровъ на доставку взято и не особенно много, но всетаки имъ нужно успѣть, пока есть возможность, рейсировать водою, такъ какъ доставка до пристани лошадьми будетъ весьма убыточна.—Фрахты нынѣ не высоки, такъ до Томска брали 10 к. Черезъ два дня придутъ первые пароходы изъ Тюмени“.

— Недавно заявлялось объ изданіи г. Пантелѣевымъ въ С.-Петербургѣ журнала „Вселенная“; нынѣ мы получили достовѣрное сообщеніе, что журналъ этотъ издаваться не будетъ.

— Извѣстно, что въ настоящее время всѣ наши средне-азіатскія владѣнія снабжаются зеленымъ чаемъ изъ Индіи черезъ Афганистанъ и Герать безошлочно, и эксплуатация этого рода торговли всецѣло находится въ рукахъ англичанъ. Въ настоящее время образовавшаяся въ Ташкентѣ русская компанія, ходатайствуя о предоставленіи ей этой привилегіи, имѣетъ въ виду доставлять въ Среднюю Азію зеленый чай болѣе дешевымъ способомъ, то есть морскимъ путемъ до Поти, откуда по Закавказской желѣзной дорогѣ до Баку, затѣмъ по Каспію до Мертваго Култукъ и далѣе въ степи. Какъ сообщаютъ „Моск. Вѣд.“, при этомъ способѣ доставки, компанія рассчитываетъ, что зеленый чай будетъ обходиться его многочисленнымъ потребителямъ значительно дешевле нынѣшняго, распространяясь при томъ на хивинскія и бухарскія владѣнія, которыя нынѣ, вмѣстѣ съ нашими степными владѣніями, переплачиваютъ значительныя суммы золотомъ афганцамъ и англичанамъ.